

МАРИНА И СЕРГЕЙ ДЯЧЕНКО

ТЕМНЫЙ МИР РАВНОВЕСИЕ

НА ОСНОВЕ
ОДНОИМЕННОГО
БЛОКБАСТЕРА

СКОРО ТВОЙ МИР
ИЗМЕНИТСЯ

Марина и Сергей Дяченко
Темный мир. Равновесие

«Автор»

2013

Дяченко М.

Темный мир. Равновесие / М. Дяченко — «Автор», 2013

Меня зовут Даша Лебедева. Филфак МГУ, второй курс. Я растяпа и, в общем, середнячок. Когда раздавали таланты, меня явно оттеснили куда-то в конец очереди... До того, как все это завертелось, я и не догадывалась, что серебряный кулон, доставшийся мне от отца, – мощный артефакт и с его помощью можно видеть Теней. Я и представить себе не могла, что эти ужасные бессмертные создания, которые высасывают из людей радость, любовь и жизненные силы, будут угрожать моим близким. И, конечно, даже не подозревала, что на меня могут обратить внимание сразу двое парней – самоуверенный мажор Сэм и честный добряк Миша. Но обо всем по порядку. А началась эта история с того, что я умерла...

© Дяченко М., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Пролог	5
Глава первая	7
Глава вторая	12
Глава третья	19
Глава четвертая	26
Глава пятая	32
Глава шестая	40
Глава седьмая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Марина Дяченко, Сергей Дяченко

Темный мир. Равновесие

Пролог

Я просила дать мне инструктора-женщину, опытную и терпеливую, как ткацкий станок, с пониманием тонкостей девичьей психологии. А мне назначили старикана, который с первой же минуты стал орать, будто я новобранец, а он злобный старшина. Спасибо хоть не матом.

Кто меня знает, подтвердит: если на меня орать, я не смогу даже шнурки завязать, не то что справиться впервые за рулем. А тут выезжаем на улицу, и не куда-то, а в самую гущу, где машины прут, будто стадо бизонов. У меня блузка прилипла к спине, педали путаются, руки дрожат. А этот орет:

– Ты чего к обочине прижимаешься? К парню своему прижиматься будешь! Перестраивайся влево!

Не скажу, что мной легко командовать, но тут как на веревке потянуло – он кричит, я перестраиваюсь. Впереди развилка, я налево... и выезжаю на мост. И хоть бы пробка, хоть бы затор – так нет, движение бешеное, все обгоняют, подрезают, орут сигналами, будто сожрать тебя хотят, и царит бесчеловечная конкурентная борьба за каждую пядь асфальта.

– Я же в первый раз выехала! – ору. Вернее, пишу: в горле-то пересохло. А он в ответ:

– Тебе права нужны, чтобы тараканов бить или нормально ездить?

– У меня, – шепчу, – нет тараканов.

Он давай хохотать:

– У всех студенток в голове тараканы! Переключай на четвертую, вперед, работай!

Мне бы заподозрить неладное – все-таки он инструктор, за меня отвечает, а тут мы в центре огромного путепровода, и ясно, что я не справляюсь. Но он меня достал до самых печенок. Я на него посмотрела, как космический десантник на Чужого, и от злости даже стала лучше соображать.

А он рад стараться:

– Быстрее! Здесь сто разрешено!

На знаке ясно написано – восемьдесят. И подгрести бы мне к тротуару, и выйти бы из машины, и сказать: чему ты меня учишь, старый вредитель? Но нет, меня как переключило. Черный «мерин», который шел слева, притормозил от моей наглости и пропустил в свой ряд – наверное, никогда не видел, чтобы машинка с позорным «У» среди бела дня устраивала стритрейсинг.

А этот кричит:

– Варезку закрой, муха влетит! Ты за рулем, а не прыщи давишь, не снижай обороты!

Я уже почти ничего не вижу – пот заливает глаза, сердце в ушах барабанит, и хочется моему наставнику врезать как следует, но руки заняты. И я почти вслух клянусь себе никогда-никогда больше не садиться за руль, ни с этим инструктором, ни еще с каким – только метро!

И вдруг какой-то развозчик пиццы на ярко-желтой «Сонате» влезает в мой ряд на скорости сто, я вижу его – как пудреницу в своих руках, до последней царапинки. И вижу, что сейчас въеду в него и «Скорая» будет жалобно сигналить, пробираясь в московских пробках к тому, что от нас останется...

Я выворачиваю руль и как-то незаметно перемещаюсь за двойную осевую. Вместе с инструктором, машиной, вместе с сумкой на заднем сиденье, вместе с тряпочкой для проти-

рания стекла и запахом яблочного освежителя – со всем этим хозяйством уплываю влево, а навстречу мне из-за горки прет грузовик.

Вот он в пяти метрах. В двух. Вот он прямо передо мной.

Все.

* * *

Сажу, вцепившись в руль. Минуту, другую, третью.

– Тетя, ты едешь или так сидишь?

Поднимаю голову.

Вижу ангела: глазки голубые, волосики льняные, на футболке – внезапно – Спайдермен.

Ангел мною недоволен, супит прозрачные бровки:

– Здесь очередь, между прочим!

Очередь в рай? Или это не рай?!

Постепенно возвращаются звуки: птички поют, дети визжат. Точно рай, можно выдыхать.

В аду они бы не так визжали...

Ангел ждет. Я поднимаюсь и вылезая из машины – а это, оказывается, электромобильчик для дошкольников, как я туда вписалась – ума не приложу.

Ветер приносит запах дерьма. Звериного, травяного, как в цирке. Или в деревне? Совсем рядом вольтер с бизонами. Вон стоят, повернули ко мне рогатые головы... Все-таки ад?!

Плюхаюсь на скамейку. Сажу, туплю. Я жива.

Звонит телефон.

– Алло? Даша? Ты где?!

– Я в зоопарке, мама.

– Там тебе и место! Со свиньями в одной клетке! Потому что ты свинья, обещала перезвонить – и что?!

Вчера вечером мы говорили с мамой по «скайпу». Она всегда так – сама выдумает проблему, сама начинает страдать.

– Еще раз выключишь телефон – я тебя убью своими руками! Потому что я тебя люблю и волнуюсь!

– Целую, – говорю в трубку. – Перезвоню потом. У меня зарядка садится.

Глава первая

Первичный инструктаж

Меня зовут Даша Лебедева. В детском саду у нас было четыре Даши и еще один мальчик Лебедев, мне совсем не родственник. Поэтому осознание собственной уникальности давалось мне с трудом.

Я рисую посредственно, пою так себе, в музыкальной школе проучилась ровно один год. Еще год потом ходила на волейбол и была позором команды. На гимнастику меня не взяли из-за плохой растяжки. Короче говоря, когда на небе раздавали таланты, меня явно оттеснили куда-то в конец очереди.

Единственное, что у меня получается талантливо, – мечтать. Я мечтаю, что в будущем, например, все люди будут жить, как дружные соседи в одном старом дворе, жалеть друг друга и понимать без слов. Любую болезнь можно будет вылечить одной таблеткой, а мясо станут растить в пробирках, и коровы с ферм разбегутся на волю, в пампасы.

И еще я мечтаю о настоящем доме, где был бы чердак, на котором можно хранить старые вещи и воспоминания. Но пока живу в общежитии и в целом привыкла.

Наша с мамой однушка в Петрозаводске, где я родилась, была замечательным местом. Помню выпуклые линии на обоях в комнате, истертую плитку на полу крохотной кухни и огромный куст черемухи под окном. Помню, как ухала, включаясь, газовая колонка и как седоусый газовщик наклеил на нее суровую картинку: «Стой! Проверь тягу!»

Когда мы оттуда уезжали, мне едва исполнилось тринадцать. Было очень грустно, страшно и безысходно, казалось, заканчивается жизнь. При этом показывать настоящие чувства я не могла – следовало радоваться, потому что мама нашла себе любовь по переписке. А я же не враг своей маме, она и так из-за меня столько лет одна! И мы переехали к дяде Коле в Липецк, но ненадолго.

Вы ненавидите переезды так же люто, как ненавижу их я? Мама искала себя, меняя города и работу, сходясь то с одним, то с другим «приличным мужчиной». В восьмой, девятый, десятый и одиннадцатый класс я шла всякий раз в новую школу.

Меня бросало из крайности в крайность: то я лезла со всеми дружить, то «включала лидера», то, наоборот, забивалась в тень, чтобы меня оставили в покое. Я просто не могла нормально и уверенно ладить с людьми, обижалась на пустяки, лезла в драки, устраивала демарши, и примерно к ноябрю учителя уже меня ненавидели, а ровесники моббили всем классом.

К маю все чудесным образом налаживалось. Я начинала наконец нормально учиться и нормально жить, намечались какие-то симпатии и дружбы... Но летом мы переезжали, и все начиналось заново.

Окончив школу, я поклялась начать новую жизнь и в ознаменование этого решения одна приехала в Москву. На площади трех вокзалов, пока я вертела головой в поисках метро, из разрезанного бока моей черной дорожной сумки вытащили бумажник со всеми деньгами и паспортом, свежим аттестатом и результатами ЕГЭ, с рекомендательным письмом господину де Тревилю... Вру, рекомендательных писем у меня не водилось.

Обливаясь слезами, через три часа я отыскала свои бумаги в мусорном баке на одной из соседних улиц и была так счастлива, что сожалеть о деньгах казалось даже неприлично.

С красными глазами, опухшим носом, грязная, потная, я долго не решалась войти в храм науки, который был для меня символом недостижимого, прекрасного, созданного для других будущего. Они проходили мимо меня – уверенные в себе, высокие, спортивные, красивые выпускники лучших московских школ. Я стояла в стороне – растяпа и, в общем-то, середнячок. Так говорила моя первая учительница еще в Петрозаводске: середнячок, но усидчивая.

Старательная, но растяпа! Написать такой сложный диктант – и пропустить мягкий знак в слове «мальчик»!

Я, может, так и ушла бы, но очень хотелось пить. А там внутри был кулер с бесплатной водой. Денег-то у меня осталось семь рублей с копейками.

И случилось чудо: у меня приняли документы и поселили в общагу на абитуру, потому что кроме ЕГЭ нужно было сдавать еще экзамены. Поселили, между прочим, вот в эту самую комнату, где мы сейчас, на втором курсе, живем с Настей. Комнатушка чем-то напоминает мне нашу квартиру в Петрозаводске – может, потому, что я считаю ее своим домом?

* * *

Настя вскипятила чайник, заварила фруктовый чай в пакетиках, пододвинула чашку ко мне:

– Лебедева... а как у тебя отношения с наркотой?

Я поперхнулась:

– Никак! Траву курила один раз, в школе на выпускном! Попробовала – не понравилось. Все!

Настя задумчиво постучала ложкой о фарфоровый край:

– Если ты без всякой химии такие глюки ловишь – ты же находка для пушера...

– Слушай, Насть, не смешно. В первый раз человек выехал, да если бы еще на автомате, а это ведь механика, тут думаешь, как не заглохнуть, а он орет – не замедляй...

– Кто орет? – Настя подняла аккуратные светлые брови.

– Инструктор!

– Лебедева, опомнись. Не было никакого инструктора. Ты не ходила ни на какие курсы. После такой аварии ты бы чай пила в морге!

Я прокашлялась, отдышалась и стала дуть в свою чашку, наблюдая, как тоненький слой пара улетает с бордовой чайной поверхности.

– А что было? – спросила, когда чай немного остыл.

– Темная история, – задумчиво сказала Настя. – Если бы у тебя был паспорт, они за это время могли бы взять на твое имя кредит в банке...

– Но у меня была только зачетка, – пробормотала я. – Поэтому они могли досрочно сдать за меня сессию, но не додумались.

– У тебя точно ничего не пропало? – Настя принялась меня разглядывать, будто надеясь обнаружить пропажу носа, например, или правой руки.

И вдруг распахнула глаза, как Мальвина:

– А где твой кулон? Ты же его никогда не снимаешь?!

* * *

В детстве со мной случилась история, когда я поехала на экскурсию с группой из летнего школьного лагеря. Автобус был старый, но еще крепкий, с сизыми стеклами в светлых металлических рамах, а у водителя над ветровым стеклом висела кукла с длинными волосами. Я помню, как с интересом поглядывала на эту куклу...

А больше ничего не помню.

Короче говоря, у автобуса что-то там сломалось, он разогнался на спуске и вылетел на мост. Все дети и воспитательница отделались испугом... кроме меня, конечно, ведь я собираю неприятности, как магнит железные стружки. Меня выкинуло, будто катапультой, в разбитое окно. Я ухнула с моста в воду. Наверное, сработала психологическая самозащита или что-то вроде того, потому что все это я знаю только с чужих слов.

Я каким-то чудом ухитрилась выбраться на берег, хотя вода была глубокая, плавала я плохо и от удара о воду вообще могла потерять сознание. Многие люди, выслушивая потом эту историю, поджимали губы и качали головами: им казалось, что я сильно преувеличиваю. Но моя мама не даст обмануть – все так и было.

В детстве мама рассказывала, что мой отец погиб, и кулон – серебряная подвеска в форме глаза – единственная память, которую он по себе оставил. Позже я стала находить в ее словах нестыковки. Однажды мама со слезами призналась, что отец не погиб, а бросил нас. Я что-то в этом роде подозревала и отнеслась к новости спокойно.

Мама рассказывала: она хотела выкинуть кулон, избавиться от памяти о предателе, но так и не смогла, спрятала «глаз» в старый кошелек и забросила на верхнюю полку шкафа. А в тот день, когда я спаслась после падения с моста, кулон чудесным образом оказался у меня на шее. Сам собой, как утверждала мама. Вслух я не посмела усомниться: видно, маму так потрясли мои приключения, что она забыла, как сама накануне отдала мне серебряную цацку.

С тех самых пор у меня на шее всегда был этот кулон. Я не особенно его показывала кому-то, просто носила под одеждой. Иногда снимала – когда на пляж шла, например, или в бассейн, чтобы не потерять. Но когда я его снимала – всегда становилось неудобно, неловко и казалось, что кто-то на меня смотрит. Наверное, так себя чувствует мышь, когда сверху кружит сова. Или, например, во «Властелине Колец» сцена с Фродо по ощущению один в один: ты беззащитный, тебя высматривают, сейчас накроет. Поэтому со временем я перестала его снимать вообще.

И вот теперь его не было. Стоя в ванной, глядя на себя в зеркало, я думала, что надо бы позвонить в автошколу и поискать в учебной машине... Может, кто-то нашел, когда убирал и пылесосил сиденья...

И тут же представила, во что должна была по логике вещей превратиться та «Лада Калина». И заодно мы с инструктором внутри. Где уж тут найти серебряную побрякушку...

Зеркало запотело. Ни о чем не думая, а просто очень жалея кулон, я нарисовала очертания глаза на помутневшем стекле...

И погас свет.

* * *

Было поздно, давно наступил вечер. Я открыла дверь в коридор – там хоть свет фонарей пробивался из окон, а в ванной было темно, как в кишечнике черного пуделя, который спит в угольном вагоне пасмурной южной ночью.

– Бу!

Огромный темный человек наскочил на меня из-за угла. Еще секунда – и я завизжала бы, как блондинка в скверном ужастике. К счастью, именно в этот момент снова загорелся свет.

– Павлик?! Ты что, идиот?!

Наверное, я выглядела свирепо, потому что этот дурачок даже перестал улыбаться:

– Испугалась? Ну прости, я же понарошку...

– Клинический идиот!

Павлик – тоже второкурсник, живет этажом выше, но часто ходит на нашу кухню, поскольку имеет интерес к Насте. Он похож на огромного доброго пса, не очень умного, но бесконечно позитивного: попрыгать, поиграть. Никогда не слышала, чтобы он о ком-то или о чем-то отзывался плохо. Многие девчонки глядят на него благосклонно и называют «солнышком».

После всех сегодняшних передраг мне было не до Павлика – но он снова догнал меня и преградил дорогу:

– У меня для тебя подарок.

И протянул билет в кино. На двадцать один ноль-ноль. Один билет.

Первым моим побуждением было засунуть подарочек в глотку дарителю. Он угадал эту мысль и на всякий случай попятился:

– Послушай... Это не то, что ты думаешь... Я люблю ее, я хочу сделать ей предложение... Ты пойми, нам же негде встречаться...

«А я так устал», – подумал Гэндальф.

* * *

Даже не помню название фильма. Я и не собиралась на него идти, но бродить по улицам два часа не было желания, равно как и сидеть в кафе в одиночку. Пришла в мультиплекс, взяла попкорна, вытянула ноги. Подумала: если кино не понравится, хотя бы посплю.

Никаких записей насчет автошколы у меня в телефоне не было. А я всегда записываю в телефон свои планы, контакты – ну я же растяпа: когда ставлю кашу на плиту, и то сразу таймер включаю.

Может, я заснула на скамейке в зоопарке и мне приснилась автошкола? Хорошо; а в зоопарк меня за какой радостью потянуло, бизонов смотреть? Так нет у меня преклонения перед бизонами, чтобы посреди рабочей недели по зоопаркам бегать. У меня стопка книжек и гора материалов неотработанных лежит...

Молодец была Скарлетт О'Хара: я, говорит, подумаю об этом завтра. И я так измоталась за день, что глаза сами собой стали закрываться, а ведь до фильма еще дело не дошло – реклама...

И вдруг передо мной в луче света появилось лицо, которого я вовек теперь не забуду. На весь экран. Широкий формат. Я подскочила, будто меня ткнули шокером; попкорн рассыпался из ведерка и весело запрыгал по всему ряду.

– У меня для тебя что-то есть. – Инструктор на экране поднял руку, показывая мой кулон на цепочке. – У памятника Ломоносову через двадцать минут, не опаздывай!

И снова пошла реклама какой-то машины. Никто даже ухом не повел: мол, креативный ролик, бывает.

Я встала, воткнула ведерко с попкорном в подставку на ручке кресла и в темноте, спотыкаясь о чужие ноги, поскакала к выходу.

* * *

Он стоял у памятника Ломоносову: руки в карманы, ничем не приметный прохожий. Физиономия желчная, смотрит поверх голов, но с виду – совершенно обычный мужчина в летах, взгляд не цепляется.

Я увидела его – и замедлила шаг. Сердце запрыгало, как йо-йо на резинке, то в горло, то в желудок. Захотелось потихоньку смыться, пойти в общагу и забиться под одеяло.

Но тут он меня заметил – и деловито поманил пальцем. Я сразу вспомнила, как он орал на меня в машине за пару секунд до того, как мы врезались в грузовик... Может, я до сих пор сплю?!

– Ты не спишь и не рехнулась, – сказал он скучным голосом, будто в сотый раз читая лекцию по технике безопасности. – На.

Он держал мой кулон за цепочку. Серебряный «глаз», казалось, смотрел прямо на меня, но было совершенно ясно: стоит потянуться, и этот Инструктор, или кто он там, отдернет руку. Я схвачу пустоту и почувствую себя неудачницей.

Нет уж. С веревочкой пусть кошка играет. Я стояла неподвижно, вокруг жила и плескалась тенями ночь, здесь никогда не бывает темно, горят фонари, водят лучами фары, под-

крашивает небо свет рекламы, и облака светятся отраженным светом, размытым, грязно-серо-акварельным...

– Держи, – сказал он уже раздраженно. – Это же твое, чего ты тормозишь?

Кулон покачивался перед носом, и я не удержалась. Протянула руку, схватила серебряную фигурку, зажала в кулаке...

Потемнело в глазах. И рассыпались цветные искры, будто меня огрели по башке детским пластмассовым «Калейдоскопом». Мир вокруг изменился!

Это было похоже на трехмерную модель из матового стекла, или хрустала, или даже силикона. Фигуры людей вокруг налились изнутри светом – ярким и ясным, синим и желтым, изумрудным, красным. Стены зданий сделались прозрачными, я увидела их насквозь со всеми перекрытиями, с этажами и лифтовыми шахтами, с подсвеченными силуэтами людей внутри. Земля стала прозрачной, как в «Ночи накануне Ивана Купала», только вместо кладов я увидела под собой канализационные трубы и ниже – огромную нору метро...

Мой кулон лежал на асфальте. Я сидела на корточках, вцепившись пальцами в чахлую траву, и чьи-то кроссовки – не Инструктора! – стояли рядом, и голос их обладателя спрашивал, не надо ли мне помочь. Инструктор заверил, что не надо. Кроссовки поверили ему и ушли. Я подобрала кулон за цепочку, сунула в карман... И только тогда, нетвердо держась на ногах, решилась выпрямиться.

– Поздравляю, – сказал Инструктор безо всякой торжественности в голосе. – Ты посвященная и видишь то, что скрыто от других.

– Тогда давайте мне две таблетки.

– Что?

– Ну, две таблетки, раз я избранная. Чтобы выбрать синюю или красную...

Он поглядел, хмыкнул, сунул руки в карман... и достал две таблетки:

– Вот.

Потом увидел мое лицо и немного сжалился:

– Вообще-то красная – это леденец от горла, а синяя – изюм в шоколаде... Ты в порядке? Хороший вопрос.

– Ладно, – он посуровел. – Будем считать, что формальности мы выполнили, первичный инструктаж проведен. Иди теперь домой – там беда.

Глава вторая

Настя

Настя рыдала так, что плафоны под потолком звенели. Ну Павлик, ну добряк, от тебя я такого не ожидала!

Стол был сервирован, хоть открытку снимай: свечи, бокалы, бутылка шампанского – не откупоренная. Настя валялась на кровати – услышав, что я вошла, нехотя подняла голову. Слезы размыли ее макияж, черные дорожки тянулись от глаз к подбородку.

– Что он сделал?! – крикнула я с порога. – Мы ему отомстим, мы его по стенке размажем, скажи, что он сделал?

Настя помотала головой и снова уткнулась лицом в подушку:

– У нас все было хорошо... я его хотела с роди... родителями знако...

Она зарыдала с новой силой:

– Звонил! Обещал! Прийти! И...

– И что?

– И не пришел!

Я опустила на стул у кровати. Если честно, меня пробило на «хи-хи» – истерический, тоненький смех. Ну что за детский сад, в самом деле, ну звонил, ну не пришел, у меня похуже проблема – я, по ходу, немного с ума схожу...

Рука сама собой нашла в кармане мой кулон. Эх, была не была.

Я жала «глаз» в кулаке. И случилось ровно то, чего я ждала, чего боялась, что, я знала, должно было случиться: все вокруг изменилось. Стало из повседневного – настоящим.

Лампа под потолком потускнела, зато свечи разгорелись ярче, и я увидела, как над ними кружатся искры – огненные мошки. Комната была наполнена... нет, не туманом. Больше всего этот летучий кисель напоминал крохотные облака. Как будто моя голова – взлетающий самолет, пол – земля далеко внизу, а стол – высокая гора, окутанная прозрачной дымной кисеей. Наша комната в общежитии была, оказывается, красивой и величественной, будто вид Гималаев из космоса, как фотография далекой галактики...

Но любоваться пришлось недолго. Почти сразу я разглядела потеки на полу. Темные... кровь. Смазанный отпечаток ладони, бесформенные пятна, которые криминалист определил бы, наверное, как «признаки борьбы». Я перевела взгляд на Настю...

И еле удержалась, чтобы не взвизгнуть.

Лицо моей соседки было залито кровью – из носа, глаз, ушей. На левом виске проступала синевато-черная татуировка, похожая на сложный иероглиф. Настя выглядела так жутко, что я отпрыгнула, опрокинув стул, разжала руку в кармане...

Кровь и татуировка пропали. Настины щеки еще блестели от пролитой горькой воды, но глаза вдруг высохли, яростно глянули из-под воспаленных век:

– Урод! Предатель! Бросил!

От нее потянуло холодом, как от кондиционера, который врубили на полную катушку. Повеяло такой едкой, аммиачной ненавистью, что я испугалась за Павлика:

– погоди, может, с ним что-то случилось...

– Случилось! Он у Соколова в комнате бухает на дне рождения! А ты за него не заступайся! Защитница нашлась!

Она кричала на меня, срывая зло, и казалось, что каждое ее слово способно прожечь дырку в одежде, будто кислотный плевок. Никогда раньше я не видела Настю в таком состоянии.

– Защищай его! Давай! Эту сволочь! Да знаешь, кто ты после этого?!

Меня вынесло в коридор, будто ветром. Стуча зубами, я прижалась лбом к холодной стене. «Иди домой – там беда», – сказал Инструктор. Что он имел в виду? Расстроенное свидание? Или что-то другое?!

Почему именно я? Почему всякая ерунда происходит именно со мной? Тридцать детей ехали со мной в автобусе, но именно меня вышвырнуло в реку через разбитое окно. Тысячи студентов учатся в этом университете, спят, едят, флиртуют, сдают зачеты, и только я стою в темном коридоре, и на ладони у меня лежит знакомый с детства кулон в виде глаза...

Что мне делать?

* * *

Обыкновенная урна стояла у пустой скамейки. Сжимая в кулаке цепочку, я занесла кулон над круглой пастью урны...

Серебряная фигурка глухо звякнула о железное дно. Ноги у меня подкосились. Я опустилась на скамейку.

Если с тобой случится чудо – выкинь его на помойку. Будь это любовь, или надежда, или внезапная перемена – откажись и спрячься в свою повседневность. Огненные ли мошки летают над свечкой, земля ли видится прозрачной до самых глубин, люди ли светятся цветными огнями изнутри... Откажись от чуда, это некомфортно. Не нарушай привычный порядок дел, это доставляет беспокойство, мешает, пугает, мучит, откажись...

Я встала и отошла. Потом вернулась. Ушла и вернулась снова. Заглянула в урну; кулона не было видно, но я же слышала, как он звякнул о дно. Урна была не то чтобы заполнена, но и не совсем пуста: я могла разглядеть картонную упаковку из фастфуда, синие использованные бахилы, коробку из-под сигарет...

Я отбросила сперва одну картонку. Потом другую. Я копалась в мусоре одной рукой, подсвечивая себе телефоном, понимая с каждой секундой все яснее: кулона здесь нет. Я же отказалась от него, верно? Вот он и ушел, обиделся на меня, счел недостойной...

Грянул звонком телефон, я и его чуть не выронила в урну.

– Даша? Ты что делаешь?

Я рылась в урне со сноровкой профессионального бомжа, но не была готова сообщить об этом маме. К счастью, она и не ждала ответа.

– Я звоню, чтобы ты ложилась спать!

– Вроде как уже сплю, – пробормотала я вполголоса. – Проснуться бы...

– Это потому, что ты недосыпаешь! Поздно ложишься!

– Точно...

– Спокойной ночи!

– Спокойной ночи, ма...

Уже не заботясь о том, как бы не замарать руки, я в десятый раз перелопачивала испачканные кетчупом картонки, сигаретную пачку, бахилы, мятую бумагу и рваный полиэтилен. Урна сделалась огромной, бездонной, как шахтный ствол, урна казалась дырой в чужую реальность – как вдруг загорелся свет, белый и мощный, и осветил ее до самого дна.

Рядом стоял незнакомый парень. Луч фонаря, отражаясь от металлического бока урны, подсвечивал лицо этого нового персонажа, который появился молча, безо всяких предварительных заявок типа «Девушка, разрешите вам помочь», «Ой, а кто это здесь» или «Вы что-то уронили?».

В ярком свете я сразу увидела свой кулон на дне урны. Парень с фонарем наклонился, подцепил кулон за цепочку и поднял на уровень глаз:

– Вот это?

Я цапнула кулон – и на секунду зажала в кулаке. И снова увидела мир измененным: человек передо мной казался вырезанным из горного хрусталя, его фигура светилась золотисто-зеленым. Фонарь лупил в землю белым лучом, таким ярким, что я зажмурилась.

Неожиданный помощник молчал. Другой бы на его месте уже сто раз прокудахтал бы – «Ой, что с тобой?», «Тебе плохо?», «Тебя проводить?».

– Спасибо, – пробормотала я, пряча свою драгоценность в карман.

Он кивнул, принимая благодарность. Я поняла, что, если сейчас начну с ним говорить, обязательно ляпну глупость. А если промолчу – буду потом жалеть.

– Ты... всегда носишь с собой фонарь?

Нет, бывают и более идиотские вопросы. Но редко.

– Видишь, пригодился, – отозвался он кротко.

– Ты из университета?

– Второй курс. Мехмат.

– Общага?

– Нет. Мы с подругой квартиру снимаем. У знакомых.

Я перевела дыхание. Сейчас не время об этом думать... Но я, кажется, унаследовала от мамы ген полной неудачливости в личных отношениях. Если мне кто-то нравится – этот чел всегда не мой, и я гордо смотрю в сторону, мол, не больно-то надо. Не унижаться же, не кланчить внимание, не лезть с умильной мордашкой в чужую равнодушную жизнь...

– Спасибо, – сказала я еще раз. – Пока.

Он кивнул и выключил фонарик, и тут меня будто за язык дернули.

– Послушай... А ты мне не одолжишь фонарь... на один вечер, а?

* * *

– Выключи свет! – крикнула Настя, натягивая на голову одеяло. – Можешь оставить меня в покое?!

Еще вчера я бы так и сделала. Не в моих правилах вмешиваться в чужую частную жизнь. Но сегодня у меня в кулаке был мой кулон... Мой амулет. И смутное чувство, что рядом творится темное, страшное, глухое, рядом убивают – а никто не видит. Кроме меня.

Я остановилась рядом с ее кроватью, сжимая амулет в кулаке:

– Насчет Павлика... Тут что-то не так. Он тебя любит.

– Любит?! Сука!

Она отбросила одеяло.

Ее лицо было покрыто сплошной коркой крови. Кровь сочилась из каждой поры. Постель была в крови, и пол, и вся комната, я закричала от страха – и выпустила амулет. Кровь исчезла; у Насти было опухшее, но чистое лицо с глазами несчастной злой старухи:

– Все мужики сволочи! Правду мне мама говорила, а я не верила!

Она кричала не своим обычным голосом, веселым, низким и немного хриловатым. Это был визг, сухой и надрывный, визг бензопилы, которая вгрызается в мертвое дерево:

– И мой папаша был такой! Перепихнуться по-быстрому – и дальше бегом! Все мужики одинаково устроены!

Слова выскакивали из нее готовыми блоками – как будто кто-то заранее написал ей текст. Мне стало нехорошо.

– Настя... Послушай, не кричи... Погоди минуту, просто подумай...

– Что-о?! Ты их покрываешь, ты за них, да? Ты за этих козлов вонючих?!

Она глядела на меня с таким омерзением, что я попятилась. Если бы я не знала эту девушку два года... Если бы я не училась с ней на одном потоке, не жила в одной комнате, не

пила чай... Может, ее подменили? Подсадили в мозги чужое сознание? Вывернули наизнанку, заколдовали? Что с ней сделали, в конце концов?!

Пятясь, я снова вышла в коридор и закрыла дверь. Надела на шею амулет – и он показался мне очень теплым, почти горячим.

– Потерпи, я разберусь, – сказала я Насте, хотя она меня не слышала.

И, одной рукой сжимая амулет на груди, другой включила фонарик.

* * *

Коридор был зыбким туманным проходом, кишкой огромного зверя, шахтой на дне океана. Стены подрагивали, липкий кисель то скрывал их от меня, то снова расползался, и тогда под лучом фонаря на стенах проступали надписи на чужом языке. Это не была ни арабская вязь, ни иероглифы, ни латиница, ни любая знакомая мне знаковая система. Почему-то я была уверена, что язык этот не просто веками мертвый, но даже нечеловеческий.

Я прошла по коридору из конца в конец, поднялась по лестнице на этаж выше и никого не встретила, хотя время было людное, вечер. Уже подходя к двадцать девятой комнате, где жил беспутный Соколов, я увидела на стене надпись, сделанную по-русски: «Тень приходит, чтобы погубить».

Я разжала кулак, который успел онеметь. Здесь, в повседневном мире, никакой надписи не было: стену недавно белили.

Я постучала в двадцать девятую. Никто не ответил. Дверь была приоткрыта. Я вошла.

Стол в комнатухе был завален грязной пластиковой посудой. Здесь отмечали бурно, пили много, закусывали молочной колбасой и беляшами. Среди множества пустых бутылок в углу одиноко стояла пачка из-под кефира.

На кровати храпел, не сняв даже кроссовок, некто – лицом к стене. Еще один некто, тощий, в красной футболке, слушал что-то в наушниках и подергивался, подпрыгивал, не отрывая подошв от пола, похожий на поплавок во время интенсивного клева. Ничего вокруг он, казалось, не видел, поглощенный своим глубоким внутренним миром.

На подоконнике сидела объемистая девица в джинсах и коротком топике. Потягивала пиво из горлышка. Смотрела лениво и нагло:

– Заблудилась?

У нее был особый выговор – так говорят провинциалы, когда издеваются над произношением москвичей. Но я не собиралась с ней говорить. Оглядевшись, я увидела еще кое-что – вернее, кое-кого в этой комнате.

Кто-то сидел на полу за маленьким холодильником, привалившись к стене. Сперва я заметила ногу в синем носке. Размер обуви сорок пятый. Признаков жизни не наблюдается.

Я подошла поближе. Павлик сидел, с виду мертвецки пьяный, бледный, неузнаваемый. Этот ли парень совсем недавно ждал свидания, готовился, заглядывал мне в глаза: «Я люблю ее, я хочу сделать ей предложение»...

– Павлик? – спросила я неуверенно.

– Тут уже все кончилось вообще-то, – сообщила с подоконника девица.

Я склонилась над Павликом:

– Эй! Ты меня слышишь?

Амулет выскользнул из-за воротника и закачался у меня перед глазами. Я поймала его в кулак, и мир изменился.

Нет, Павлик не был пьян. Он выглядел как жестоко избитый человек, который ночь пролежал в сугробе. Без сознания, оглушенный, больной; кто с ним такое сделал?!

– Оставь его, пусть проспится, – все так же лениво сказала за моей спиной девица. Я обернулась, по-прежнему сжимая в кулаке амулет...

Оно сидело на подоконнике.

Существо без лица, черная текучая тварь, похожая на живую отливку из битума. Так мог бы выглядеть бред Сальвадора Дали под очень тяжелыми наркотиками. Я выпустила амулет; девица как ни в чем не бывало разглядывала меня, ее белый живот молодым жирком свешивался поверх брючного ремня.

– Увидела? И че? Че ты мне сделаешь?

И, запрокинув бутылку, она стала шумно хлебать свое пиво. Непонятно как – по наитию – я поняла, что нельзя позволить ей допить.

– А ну... стой!

Мне бы кинуться на нее, выбить бутылку. Крикнуть, бросить стулом, огорошить ее хоть как-то. Но я растерялась и упустила момент. Одним глотком она прикончила бутылку, растянула губы, облизнулась большим языком:

– Лови!

Я едва успела увернуться. Бутылка грохнулась о стену за моей спиной, и по всей комнате полетели осколки. Тот, что спал на кровати, даже не пошевелился. Парень в наушниках по-прежнему танцевал на месте, но в глазах его появился слабый проблеск интереса.

Девица вскочила на подоконник. Махнула мне рукой и шагнула наружу. С десятого этажа.

Парень с наушниками разинул рот. Мы с ним вместе подскочили к распахнутому окну...

Девица стояла внизу, на газоне. Снова махнула рукой – как юнга на мачте отбывающего корабля. Повернулась и затрусила прочь – вертя задом, подпрыгивая.

Фонари светили ярко, все было видно как на ладони. Из-за угла наперерез попрыгунье выскочила другая девушка – блондинка на высоченных шпильках.

Блондинка вскинула руки. Синеватая вольтова дуга беззвучно ударила попрыгунью в грудь – и та свалилась, как кукла, как пластиковый манекен. Блондинка на каблуках схватила ее за щиколотку и куда-то деловито поволокла, на ходу вытаскивая мобильный телефон из сумочки у пояса.

– Никогда больше не буду курить эту дрянь, – жалобно заныл парень с наушниками.

Я молча бросилась к двери.

* * *

Она лежала в траве и с виду была неотличима от манекена. Я снова засомневалась в своем рассудке, тем более что над ней стояла блондинка с телефоном и говорила устало и совершенно буднично:

– Погрузка закончена, прошу доставки.

Потом блондинка посмотрела на меня, как будто давно ждала, что я появлюсь:

– Для первого раза прилично.

– Это что такое? – тихо спросила я, глядя на неподвижное тело в траве. – Она...

– Просто Тень, – сказала блондинка с таким выражением, каким говорят «просто стул». – Умбра Вульгарис. По-латыни.

Она поймала мой взгляд:

– Ты не обольщайся, она не сдохла. Их нельзя убивать.

– Типа, запрещает «Гринпис»? – пробормотала я.

– Типа, они бессмертные, – без тени улыбки отозвалась блондинка. – Ну, где он там...

Из-за куста, за которым еще секунду назад никого не было, вынырнул мужчина лет тридцати, в майке с ярким анимешным рисунком. «Наруто», насколько я могу судить о таких вещах. В руках у него поблескивал баллончик дезодоранта.

– Я сошла с ума, – сказала я обреченно. – Какая досада.

– Не надейся, – приветливо сообщил мужчина. – Ты кто?

Вместо меня ответила блондинка:

– Это наша новенькая. Зовут Дарья. Инструктор подбросил.

В ушах у меня снова зазвучали скрежет и звон аварии, так что пришлось крепко зажать их ладонями:

– Инструктор?!

– Разбор полетов потом, – доверительно сказал мужчина. – Сперва дело надо сделать, так?

Он подскочил к стене трансформаторной будки и стал рисовать что-то на кирпичах – баллончик в его руке оказался вовсе не дезодорантом, а пульверизатором с краской. Он рисовал граффити серебристо-металлической струей, размашисто, умело, даже, пожалуй, красиво.

– Доставка готова...

Он отступил от стены, и я увидела, что кирпичей под граффити больше нет. Есть дыра с оплавленными краями, внутри струится воздух, как над костром, и что-то еще просвечивает, будто далекий фонарь в тумане.

– Грузим, – блондинка снова подхватила девушку за ногу, но та уже потеряла сходство с манекеном – возилась, двигалась, шарил ладонями по траве. – Она очухалась, Гриша, помоги!

Мужчина не заставил просить дважды. Вместе они подхватили девушку и, шагнув один за другим в дыру, исчезли и утащили ее с собой. Еще через секунду кирпичи вернулись на место – только слабая тень граффити проявилась на секунду и тоже растворилась. Осталась кирпичная стена. Крепкая – хоть головой бейся.

* * *

Минут десять я сидела на скамейке у входа в общежитие. Думала, до утра здесь просижу в шоке и трепете.

Но – ничего подобного. Я замерзла, отдышалась... и вспомнила о Павлике. Да жив ли он до сих пор?!

Бегом вернулась в комнату Соколова. Кружила ночная бабочка над остатками пластикового застолья, все так же храпел на кровати неизвестный гость, зато танцор в красной футболке сбежал, оставив на подоконнике свои наушники. Павлик сидел, привалившись спиной к стене, но был в сознании – оглядывался вокруг, будто пытался понять, где он.

Я сжала в кулаке амулет. Павлик выглядел еще неважно, но уже гораздо, гораздо лучше: синева с лица уплывала, черные «очки» рассасывались, в глазах появился смысл.

– Привет... Это тут что?

– Это у Соколова был день рождения, – я вздохнула.

В глазах Павлика появился ужас:

– А я тут... как? Зачем?

Я молча помогла ему подняться.

Всю дорогу по коридору он лепетал огорченно и жалобно: шел к Насте... позвонил и... он шел, и вдруг...

– Шел в комнату, попал в другую, – сквозь зубы процитировала я, очень кстати вспомнив Грибоедова.

– Она обиделась, да? – Павлик смотрел на меня с надеждой. Ждал, наверное, что я скажу – пустяки, дело житейское, девушка простит...

Я заглянула в нашу комнату. Настя спала. Я поколебалась... Нет. Ждать до утра не надо.

– Настя... Слышишь?

Она открыла мутные глаза:

– Который час?

– Да неважно. Тут к тебе... тут Павлик хочет что-то сказать.

– А это кто? – спросила она и мигнула.

– Перестань, – я посмотрела укоризненно. – С ним беда случилась, случайно траванулся паленой водкой. Ни на каком дне рождения он не пил, а в отключке валялся, спасибо, что вообще не помер...

Настя зевнула и посмотрела на часы:

– Свинья ты. Четыре утра, ты мне какие-то байки рассказываешь про алкоголиков.

Павлик просунул голову в приоткрытую дверь.

– Настя! – протянул так жалобно, что даже Снежная королева разрыдалась бы. – Со мной что-то случилось, я шел к тебе, я...

– Дайте поспать, – сухо сказала моя соседка. – Закрой дверь, имей совесть.

И натянула на голову одеяло.

Глава третья

Портал

Я встретила рассвет на набережной. В это время здесь не было ни туристов, ни торговцев, только пара дворников в оранжевых жилетах, да и те скоро ушли.

Я стояла и смотрела на Москву.

Передо мной лежал огромный город... или мир. Всякий раз, когда я сжимала в кулаке свой амулет, этот мир перерождался перед моими глазами, и требовалось все мое мужество, чтобы смотреть и заново видеть.

Небо казалось светлее и выше. Земля переливалась опаловым мягким свечением. Внизу, в кустах, на мгновение показались желтые дикие глаза – и пропали, и я так и не поняла: помешалось мне или нет.

Кружились огненные полотнища над рекой, похожие не то на бабочек, не то на протуберанцы. С мостов опускались сталактиты – ледяные, а может, известковые. Поднимались на горизонте столбы света, что-то шевелилось под темной водой, я ждала, что вот-вот пролетит дракон...

Но дракона не было. Был мир, не похожий на все, что я знала раньше, живой, прекрасный... жуткий. Я была как птенец, который прожил в гнезде всю юность и впервые выглянул наружу. Или как монах, добравшийся до края земли и высунувший голову за прозрачный небесный купол. Постепенно наступало утро, оживлялась улица за моей спиной, а я стояла и смотрела.

– Красиво, правда? – спросил знакомый голос. Я чуть не выронила амулет – к счастью, цепочка была крепко намотана на ладонь.

Инструктор ухмылялся. У тротуара стояла знакомая мне машина с буковкой «У» – как раз под знаком «Остановка запрещена».

– Хочешь выбросить эту штуку? – он смотрел на амулет.

Такая мысль мне тоже приходила.

– Дело не в нем, а в тебе, – сказал он серьезно. – Ты посвященная. А это твой предмет силы. Кольцо Всевластья, волосы Самсона, иглока Коцея... Сама знаешь лучше меня.

– И если я его выкину...

– Лучше не выкидывай. Пригодится. Я серьезно.

Он больше не улыбался.

Проехала полицейская машина, не пожелав даже чихнуть на вопиющее правонарушение «ученической» «Лады».

– Вы кто такой? – спросила я очень тихо.

– Посмотри, – посоветовал он все так же без улыбки.

Я сжала амулет в кулаке. Он стоял передо мной, белый, будто замороженный в лед, не похожий на человека.

– Вы что, тоже Тень?!

– Обижаешь, – он в самом деле, кажется, немного обиделся.

Я не знала, о чем еще с ним говорить. Я его боялась... и одновременно понимала, что надо сейчас расспрашивать, много, жадно. Чтобы потом не жалеть всю жизнь.

– Авария была на самом деле? Там, на мосту...

Он посмотрел насмешливо:

– Ты знаешь, что такое инициация в традиционной культуре?

– Обряд взросления, связанный со смертью и возрождением, – ответила я, не задумываясь.

– Вот ты и возродилась. Поздравляю.

Я закусила губу. А ведь верно. Во всех традициях начало новой жизни, обретение нового статуса именно так и происходит: претендента как бы убивают – понарошку... а затем он рождается заново.

– Это какая-то... секта?

Он помотал головой. Пошел к своей машине, распахнул пассажирскую дверцу – садись, мол.

Я не двинулась с места.

– Садись, – сказал он примиряюще. – Не бойся... На этот раз я за рулем.

* * *

Он отвез меня на задворки университета, где я за два года ни разу не была. Припарковал машину, снял с пожарного щита железный багор и поддел крышку канализационного люка. Открылся колодец, снизу ощутимо пахло сыростью и гнилью.

– Не пойду, – сказала я.

Он посмотрел укоризненно:

– Ты мне не веришь?

Я вдруг поняла – верю. Вот этому странному существу, которое, вполне возможно, не человек вовсе. Который сперва орал на меня, как фельдфебель, потом загнал под грузовик, чуть не убил...

Я верю, что он не хочет мне зла и не допустит, чтобы меня кто-то обидел.

– Там грязно и темно, – сказала я уже не так твердо.

– У тебя вроде фонарик есть?

Он смотрел на меня, совершенно уверенный, что я полезу в коллектор. И я полезла, хоть и молча себя проклиная. Авантюристка.

Внизу было вовсе не так грязно, как я боялась. Вслед за Инструктором я пробралась по довольно широкой трубе и оказалась перед дверью с кодовым замком. Дверь была по виду очень старая, массивная, годов эдак из пятидесятих прошлого века. Или сороковых. А сейфовый замок относительно новый.

Замок сработал, дверь лязгнула. Инструктор вошел первый. За дверью была железная лестница с ржавыми ступеньками, мой фонарик выхватывал из темноты черные бетонные стены, покрытые грязью и плесенью, три очень крутых этажа вниз – запах ржавчины, влаги, гнилой органики, земли...

– Куда мы идем?!

– Уже скоро.

Он спрыгнул на бетонное перекрытие и подал мне руку.

Луч фонаря уткнулся в дверцы лифта. Инструктор нажал на единственную кнопку – лифт заскрежетал и открылся, был он просторный, изнутри обшитый красным деревом, очень дорогим и очень старым.

– Мне страшно, – сказала я.

– Но тебе же интересно, правда? Когда человек исследует новое – ему всегда страшно...

Я вошла в лифт вслед за ним. Кнопок было всего две: «Верх» и «Низ». Двери закрылись, лифт пошел вниз, покачиваясь, скрежеща, завывая и, кажется, вот-вот грозя оборваться.

– Мы не упадем?

– До сих пор не падали.

Лифт ехал страшно долго и наконец остановился. Мы вышли в огромный бункер с бетонными стенами – здесь уже не было темно, горели тусклые аварийные лампочки в железной

оплетке. На полу стояла давняя зеленая лужа. Воздух был очень влажным и неожиданно холодным.

– Одевайся, – Инструктор открыл дверь огромного шкафа. Я ожидала увидеть там что угодно, хоть костюм супергероя. Но там были стеганные ватники, валенки и ушанки, настоящие, судя по запаху.

– Я лучше так останусь.

– К стенке примерзнешь, – сказал он веско. – Оденься, или никуда не пойдем.

Это была странная угроза. Но я уже так втянулась в происходящее, что даже не стала спорить. Надела ватник, более-менее подходящий по размеру, сунула ноги в валенки, которые доходили мне до колен, нахлобучила шапку...

И сразу стало как-то уютнее.

– Пошли.

Он зашагал по коридору, тускло освещенному редкими лампочками. Я шла за ним, сжимая фонарь. Через минуту рука заледенела, и я ниже натянула рукав.

На стенах блестел иней. Из рта вырывался пар. Я догнала Инструктора:

– Почему здесь так холодно?

– Нобелевская премия за 1910 год, – отозвался он, не оборачиваясь. – Некто Ван-дер-Ваальс открыл уравнение состояния газов. Спасибо ему: люди получили жидкий водород и жидкий гелий и научились строить холодильные установки...

Луч моего фонарика уткнулся в светлое полотнище на стене. Я присмотрелась: это был инженерный чертеж Главного здания МГУ – а под ним многоэтажное подземелье с линией подземки.

– А это что?!

– Не тормози, – он шел не останавливаясь. – Времени нет.

Я снова догнала его, боясь отстать, боясь остаться в одиночестве в этом холоде, в этой темноте. Мои валенки шелестели по заиндевевшему бетону, звуки странно отдавались от стены к стене, с потолка свисали сталактиты, блестели кристаллы льда, как драгоценные камни...

«В пещере горного короля» – вот что это напоминало. Заколдованная пещера, которую охраняют духи или привидения, а если повезет, то и дракон. И мы идем туда, где хранятся его сокровища...

Я замедлила шаг. Стены были оклеены обоями, старыми газетами. Очень старыми: «Правда» за 1948 год...

– «Сейчас пустыни Ленинские горы, – пробормотал Инструктор нараспев, – но флаги стройки выются на ветру, здесь корпуса взойдут до неба скоро, сюда придут студенты поутру...»

– Мы что, под Главным зданием?! – до меня только теперь дошло.

Он ухмыльнулся:

– Все, что ты хотела узнать о Темном Мире, но боялась спросить. В тысяча девятьсот сорок восьмом году мы начали рыть котлован... Знаешь эту легенду насчет заморозки?

Я знала. Каких только легенд не рассказывали про Главное здание: якобы грунты под котлованом были слабые, поэтому их залили жидким азотом и поставили тайные криогенные генераторы...

Зубы мои начали отбивать дробь. Не то от холода, проникающего под ватник, не то еще от чего-то.

– Вы сказали... вы сказали: «мы»?!

Он посмотрел серьезно и даже немного грустно:

– Нормальные были грунты.

* * *

Они работали днем и ночью – спешили. Ковш экскаватора натолкнулся на преграду, машина дернулась и встала. Экскаваторщик дядя Толя выбрался из кабины, да так и замер, глядя вниз.

Первым к нему подбежал Серго, молодой геодезист, и тоже встал, как оглушенный. Инструктор оказался на месте происшествия через несколько секунд:

– Почему не на рабочем месте?!

Глянул – и закричал в рупор, вызывая Ивана Ивановича, который считался самым толковым инженером на участке. Иван Иваныч успел подбежать...

Тут-то их и накрыло.

* * *

На фотографии почти семидесятилетней давности трудно было различить лица. Котлован, экскаватор, прожектора...

– Мы не знали, до чего тут докопаемся, понимаешь? Мы не поняли, что произошло... поначалу. Честно говоря, не человеческое это дело, да только так получилось...

У него зазвонил телефон.

– Идем, – буркнул он в трубку обыкновенно-ворчливым голосом. – Пришли уже. Минуту подождите!

* * *

Огромный зал – странно огромный, учитывая, сколько земли, камней, перекрытий, сколько труб и жил в оплетке у нас над головами. Везде иней, страшный холод, похоже на разоренный космический ангар на другой планете. Железные стеллажи, стойки, огромные баллоны со сжиженным газом. И напротив этого нагромождения – голая белая стена, покрытая кристаллами льда.

Меня передернуло, когда я увидела, что девчонка сидит на заледеневшем полу под стеной: как была, в джинсах и коротком топике, понурая, злая. А чуть в стороне стояли мои знакомые – блондинка и Гриша. Оба были в валенках, в ватниках и шапках, да еще и перетянутые шарфами, в рукавицах, видно, что люди опытные.

– Нам уже можно работать или еще чуток подождать? – спросила блондинка в пространство.

– Работайте, – разрешил Инструктор.

– Покурить дайте, – вдруг хрипло сказала девица.

Блондинка фыркнула:

– Пошла отсюда!

– Ну пусть покурит напоследок, – неожиданно вступился Гриша. – Жалко, что ли?

Он бросил свою пачку вместе с зажигалкой. Девица поймала, тут же закурила – привычным движением, жадно, торопливо. Потом сдержала себя, стала курить нарочито медленно, выпуская дым вверх.

Я секунду поколебалась – и сжала свой амулет в кулаке.

Оно... это... по-прежнему было черным существом без лица, подвижным, текучим, отвратительным. Но не потому у меня перехватило дух: на месте стены у существа за спиной был провал. Огромное пустое пространство, дыра... куда? В преисподнюю?

– Стой, – сказал Инструктор и взял меня за локоть. Я выпустила амулет и только тогда поняла, что иду к стене или к дыре, иду туда, будто меня тянут на веревочке.

– Осторожно, – серьезно сказал Инструктор. – Оно тянет с непривычки. Отойди.

Девушка бросила на пол дареную пачку:

– Сволочи вы. Гады. Эти, сатрапы.

– Вот так угощай их сигареткой, – сквозь зубы процедила блондинка. – Они потом добром отплатят.

Она широко расставила ноги в больших валенках, сплела пальцы, будто разминаясь перед фортепианными экзерсисами:

– Вали отсюда. Тень, знай свое место!

Девушка зарычала и стала отползать к стене – не сводя с блондинки злобного взгляда... А потом вдруг глянула на меня:

– Ты с ними, да? Ну ничего, ты пожалеешь, скоро нас будет много... мы к вам войдем, вломимся, тут все будет наше...

– Пошла вон! – рявкнула блондинка.

Я успела сжать амулет в кулаке и увидела, как из сплетенных ладоней блондинки вырывается белый столб. Свет ударил в черное существо, как огромный кий по бильярдному шару, и вколотил в гигантскую потустороннюю лузу. Смутные вихри, серые кисельные водовороты подхватили Тень, и черная фигура моментально исчезла из виду, осталось потревоженное чужое пространство, но и оно успокоилось – как поверхность пруда после брошенного камня.

Я обнаружила, что сижу на ледяном полу и борюсь с тошнотой. Блондинка, мягко ступая валенками, подошла и встала рядом:

– Муторно? Это с непривычки. Смотри, подруга, вот портал в Темный Мир, и оттуда к нам лезут Тени. Убить Тень нельзя – можно только выгнать обратно... туда.

Я оглянулась на Инструктора. Он в этой компании был мой самый близкий знакомец – поддержка и защита в случае чего.

Инструктор кивнул, подтверждая слова блондинки. Я только сейчас заметила, что он без ватника – в легком костюме, в открытых туфлях, и ему не холодно.

– Не парься, – снова заговорила блондинка. – Я знаю, как это выглядит свежим взглядом... Но – жизнь есть жизнь, и жизнь иногда включает в себя фигню вроде портала в подземелье... Надо просто принять как данность и не грузить себе мозги. Покурить хочешь?

– Не курю... – я прокашлялась. – А что она говорила, «нас скоро здесь будет много»?

– А это она просто языком трепала, – сказал Гриша. – Они все хотят что-то ляпнуть напоследок, чтобы не так обидно было.

В руках у него был смартфон, и все это время не отрываясь он играл в какую-то игрушку вроде «Баланса». В сочетании с ушанкой и ватником выглядело забавно.

– Открыть портал с той стороны они не могут, – Гриша проиграл и спрятал телефон. – Так что не переживай...

Он протянул мне руку и помог подняться. Я покачнулась.

– А как они вообще сюда... попадают? Проходят?

– Вроде как кран протекает, – видно было, что он не издевается, а, наоборот, старается говорить как можно понятнее. – Вентиль закрыт, но отдельные капли просачиваются. Такой принцип. Меня зовут Гриша, а ты Дарья? Будем знакомы.

Я растерянно кивнула.

– А старперы, которые поставлены хранить, ни фиги не охраняют, – добавила блондинка.

– Лиза! – рявкнул Инструктор откуда-то из-за стеллажей. – Я все слышу!

Она картинно закатила глаза.

– Справедливости ради, портал-то они держат, – примиряюще заметил Гриша. – Ты их видела?

* * *

Вокруг деревянного стола на старых табуретах сидели трое: один в рабочих штанах и выцветшей серой майке, другой в галифе и потертой гимнастерке. Третий в инженерской блузе по моде сороковых. На их лицах и волосах блестел иней. На разохшейся столешнице лежали костяшки домино – здесь шла игра, неторопливая, вдумчивая, без начала и без победителей.

– Слева дядя Толя, – негромко представляла Лиза. – Он тот самый экскаваторщик. В центре Серго, геодезист. Справа Иван Иванович, инженер. Они почти семьдесят лет тут сидят... играют.

Трое смотрели на меня – как если бы где-нибудь во дворе на рабочей окраине я подошла бы к ним спросить, не пробежал ли здесь рыжий котенок. В их взглядах был интерес, в общем, доброжелательный, но слабый, как далекий тусклый огонек.

– Они хранители, – сказал Гриша. – В момент, когда... когда случился катаклизм, открылся портал, они оказались рядом, ну... их накрыло. Они переродились – из людей стали частью системы... сохраняющей мировую стабильность. Они не живые и не мертвые... У них двойственная природа, вот ты помнишь, наверное, что природа света – это излучение и волна...

– Гриша, – сказал Инструктор. – Девушке хватит на сегодня! Дайте ей возможность отдохнуть и прийти в себя, ясно?

Я была ему очень благодарна.

Лиза взяла меня за локоть и куда-то потащила. Я не успела оглянуться, как снова оказалась в клетушке с лифтом, шкафами и лужей на грязном полу. Лиза чуть ли не насильно сняла с меня ватник и вытряхнула из валенок.

– Значит, ты их видишь? – спросила суховато и буднично.

– Кого?

– Теней!

– А... да.

– А что ты еще умеешь делать?

– Вареники с вишней.

– Круто, – Лиза прищурилась. – А я только яичницу.

Гриша вызвал лифт.

– Гриша, – сказала Лиза неожиданно детским, немного капризным голосом. – Сделай жене приятное – открой рамочку.

– Ты мне что обещала? – с готовностью отозвался Гриша.

– Это не лень, – она подняла туфлю и показала сломанный каблук. – У меня – вот...

– А я говорил: на операцию надевай только кроссовки...

– А я привыкла на каблуках!

– А ты борись с дурными привычками...

Они препирались вполголоса, и было ясно, что оба просто развлекаются. Наконец Гриша вытащил из рюкзака баллон с краской и, продолжая ворчать, стал рисовать граффити на бетонной стене бункера:

– Рамочку туда... Рамочку сюда... эдак пупок развяжется...

– Как он это делает? – шепотом спросила я у Лизы.

– А как ты видишь то, что видишь?

Я пожала плечами.

– Вот и он так же, – кивнула Лиза. – Инстинкт.

В этот момент бетон разошелся и в стене открылась дыра. Лиза přátельски протянула мне руку...

– Туда не полезу, – я попятилась.

– Останешься здесь?

Вокруг были темнота, подземелье, ржавые коммуникации, холод, сырость, вонь...

Я зажмурилась – и пролезла в дыру в бетонной стене. Позади остался запах воды и гнили, мне в лицо дохнуло теплом, корицей и кофе, Лизиными терпкими духами...

Потом я налетела на велосипед, стоящий в углу, и открыла глаза.

Глава четвертая

Реальность, данная в ощущениях

– Ты извини, у нас бардак, – сказала Лиза.

– Впрочем, как всегда, – вставил Гриша.

– А кому не нравится, может убрать! – парировала Лиза, и я мысленно ей заплотировала.

У них была самая уютная квартира из всех, что я видела в жизни. Может быть, мне показалось по контрасту с ледяным подземельем, но чувство было такое, будто ты вернулся домой после долгого путешествия. И велосипед в прихожей, и картины на стенах, и зарядный шнурок от мобильного, торчащий из розетки, как лиана, сочетались и складывались в единый образ теплой родной норы.

Я заглянула в комнату. Здесь картин было много, им не хватало места. На экране компьютера в углу мигала и переливалась галактика. На полу, свесив желтый язычок чайного пакетика, стояла пустая чашка.

– Дарья! – крикнула из кухни Лиза. – Бутерброды будешь?

Я подумала, что уже два года в Москве, а друзей, чтобы прийти в гости, у меня нет. И ни в одном городе не было – до сих пор.

На кухне по стенам тоже были развешаны картины (я уже догадалась, что это Гришины). Над головой Лизы цвела сакура и возвышалась Фудзи; Лиза рвала полиэтилен на упаковке с колбасой с видом Самсона, разрывающего пасть льву. Из тостера выскочили поджаренные квадратики хлеба.

– Бери! – Лиза протянула мне вскрытую упаковку.

Я посмотрела на свои ладони:

– Можно руки помыть?

Вход в ванную оказался сразу за дверью кухни. Я вошла...

На вешалках пестрели махровые полотенца. На полочках толпились шампуни и батарея косметики. Отдельно на гвоздиках развешаны были рыболовные снасти. Вода в ванне оказалась покрыта толстым льдом, сантиметров пятнадцать, если судить по краю узкой полыньи. Лед кое-где был покрыт свежей рыбой чешуей.

– Эй, – услышала я свой голос, – у вас тут в ванне... Это так надо?

– Если тебе душ принять, ты скажи, – отозвался Гриша. – Но тебе же только руки помыть, да?

Из крана текла нормальная, коммунальная, теплая московская вода.

Когда я наконец вернулась в кухню, там были готовы бутерброды и кофе. Несколько минут мы молча ели, и это были, пожалуй, очень хорошие минуты в моей жизни. Очень спокойные и счастливые, несмотря на лед и чешую в ванне.

– Ребята, – сказала я наконец, – а где вы моетесь?

Лиза покосилась на Гришу:

– А это хороший вопрос...

– В соседней гостинице, – отозвался тот как ни в чем не бывало.

– Бегаєте с полотенцами... по улице?

– Зачем? – удивился Гриша. – Открыл рамочку, помылся в номере, закрыл рамочку...

Все просто.

Я мигнула:

– А если там, в этом номере, уже кто-то моется?

Гриша обезоруживающе улыбнулся. За него ответила Лиза:

– Тогда тоже просто. Тогда извиняется, уходится. Иногда с той стороны визжится очень громко...

– Понимаешь, – проникновенно сказал Гриша. – У меня в ванне, на дне, нарисован уникальный портал... рамка в зимнее озеро тысяча восемьсот двенадцатого года. Ловится, прикинь, осетр! Стерлядь! Экологически чистая рыба!

Он привстал, открыл морозилку – она была забита до краев. Я разинула рот: действительно осетр. И еще что-то, с крупной чешуей и огромными хвостами. Полная морозильная камера.

– А готовить некому, – пробормотала Лиза. – Приходится тупо жарить... Кстати, ты рыбу умеешь готовить?

Она поглядела на меня довольно-таки хищно, я прикинула объемы работы, запрятанные в морозилке, и на всякий случай помотала головой.

Мы съели еще по бутерброду.

– Гриша, – сказала я, когда молчать стало невмоготу. – Там, в подземелье, такой портал, как ты рисуешь?

Он замахал руками:

– Ну что ты! Вообще несопоставимо! Я открываю маленькие окошки туда-сюда, всего на пару минут. А там здоровенная дыра в Темный Мир. Ее никто не рисовал, говорю тебе, ее пробили ковшом экскаватора, это было несчастное и очень маловероятное сочетание факторов... Вот ты знаешь историю Чернобыльской катастрофы? Ее вероятность была ноль целых ноль-ноль...

– Гриша, – сказала Лиза, внимательно за мной наблюдая. – В некоторых случаях лишняя информация ничего не проясняет. Дарья, ты не заморачивайся, как это работает. Это объективная реальность – как налоговая система или как устройство ДНК. Она существует вне наших представлений, но иногда дается нам в ощущениях... Правда, не всем. Есть Тени – ты одну сегодня видела. Есть служба Доставки, она ловит Теней, доставляет к portalу и выкидывает обратно в Темный Мир. Все!

За окном выглянуло солнце. Я протянула руку над столом – тень от моей ладони упала на колбасный кружочек со следами зубов.

– Тени... что это такое?

Гриша вздохнул:

– Фрагменты враждебной материи... оформленные в человекоподобных существ. Примерно так. Там, где они сидят – в чужом пространстве, которое мы для простоты называем Темный Мир, – недостаточно ресурсов, они лезут к нам, ну, как клещи в лесу – на тепло, на свет.

Я обнаружила, что растираю висок, то самое место, где видела у Насти призрачную «татуировку»:

– Моя соседка в общежитии...

– Жертва, – авторитетно кивнула Лиза.

– Что с ней будет?

Гриша и Лиза переглянулись.

– Она жива, – сказала Лиза с некоторым сомнением в голосе.

– А что, могла умереть?!

– Разные бывают Тени, – сказала Лиза и поджала губы. – Некоторые жизнь высасывают... Некоторые отбирают время...

– А эта конкретная?

Они не спешили отвечать.

– О чем парилась твоя соседка? – спросил после паузы Гриша. – Ну... что ее волновало в тот вечер?

– Проблемы с парнем. Она его ждала, он не пришел, она обиделась...

– Ты не помнишь, Тень при этом что-то пила или ела?

– Не... Подожди, пиво! Она пила пиво из горлышка, как шпана под забором!

– Выпила до дна или что-то осталось?

Я вспомнила бутылку, пролетевшую мимо моей головы, звон стекла и хруст под ногами.

– Все выпила.

– Не повезло твоей соседке, – сказала Лиза.

– В смысле?

Они опять помолчали. Переглянулись. У меня заболело сердце.

– Любовь, – сказала Лиза. – Тень высосала из твоей соседки ее любовь, и мы не успели прервать транзакцию.

Гриша потянулся, хрустнул суставами:

– Так, девчонки, я спать. Ночку честно отдежурил...

– Что с ней теперь будет? – я не давала Лизе отвести глаза.

– Ничего. Так и будет жить.

– А... ее парень...

Лиза устало махнула рукой – все, мол, не о чем говорить.

– И она больше никогда не влюбится?!

– Не знаю, – Лиза встала, собирая мусор со стола. – Может, когда-нибудь. Но вот та любовь, что у нее была, – ее Тень сожрала до капельки.

– И мы так просто ее отпустили?! – я тоже встала.

– А что с ней было делать? – очень грустно спросил Гриша. – Судить? Штрафовать? Осинный кол вбивать? Так не поможет – это тебе не вампиры, это полностью бессмертные в нашем мире твари, их – только на выход, только в портал...

Я потянулась к амулету на шее. Коснулась и отдернула руку:

– Если бы я не копалась так долго... Не бегала туда-сюда, не рылась бы в урне...

– Ты куда? – с подозрением спросила Лиза.

* * *

Прежде чем звонить, я вышла в коридор и прикрыла за собой дверь кухни.

– Лебедева, мне некогда, – сказала Настя. – Я на пары.

– Как ты себя чувствуешь?

– Прекрасно! Прямо камень с души.

– Послушай, Павлик, он на самом деле...

– Да пошел он, – отозвалась моя соседка, и в голосе ее не было ни тоски, ни отчаяния, ни злости, ни единой эмоции – спутницы неравнодушия. Она говорила легко, как о картонном стаканчике.

– Он тебя любит!

В трубке заревел Настин фен для волос – я узнаю его из тысячи, в прошлой жизни этот фен был паровой сиреной.

– Пока! – крикнула Настя. – Мне выходить через минуту!

Я обнаружила, что дверь в кухню открыта и Лиза стоит на пороге.

– Ты брось себя ругать, – начала она тоном старшей мудрой подружки. – Если бы ты не нашла вовремя эту Тень – она продолжала бы крутиться вокруг универа и сосать из людей любовь.

– Так что ты много людей спасла, – добавил Гриша из-за ее плеча.

– И вообще, тебя надо поздравить – ты теперь работаешь в службе Доставки! – Лиза принялась жать мне руку. – Поздравляем!

Я выдавила улыбку:

– Спасибо... Мне на первую пару вообще-то. Я пойду?

* * *

Двор утопал в зелени. Стояла тишина, неожиданная для Москвы. Бетонный парапет был покрыт причудливыми граффити – не Гришиными. Обыкновенными. Старушка выгуливала йоркширского терьера.

– Простите, – спросила я у нее, – что это за район?

Она поглядела на меня, и в ее глазах я увидела свое отражение: беспутная девчонка, скорее всего, наркоманка, всю ночь прогуляла на чужой квартире и даже не помнит где!

Страшная мысль заставила меня нервно подобраться:

– Простите, а это вообще... Москва?!

Старушка молчала, обдавая меня безмолвным презрением. И я бы ушла, не смея требовать ответа, но тут меня окликнули от подъезда. Лиза шла по дорожке – свежая, будто не было бессонной ночи, в джинсах и футболке.

– Пошли. Я тебя подвезу.

* * *

У нее была ярко-синяя «Шкода», забитая в колонну припаркованных соседских машин так плотно, что я в первый момент подумала: здесь не выехать.

Лиза села за руль и, не повернув головы, а только по зеркалам, выбралась за несколько секунд – четко, сухо, профессионально. Я молча позавидовала.

Мы выехали на улицу, чье название мне ничего не говорило. Впрочем, из всей Москвы я знаю всего несколько районов.

– Эти картины у вас – они Гришины?

– Нравится? Его.

– Он художник?

– И это тоже.

Она вдруг улыбнулась:

– А ты хорошо держишься. Прямо стойкий оловянный солдатик.

– Я?!

Шустрый внедорожник «Мерседес» грубо подрезал нас посреди улицы.

– Из-за таких сволочей люди бьются, – Лиза пристально посмотрела «Мерседесу» вслед.

Я увидела, как под ее взглядом вминается полированное крыло без видимых причин, как летят чешуйки краски, как дергается и кривится бампер. Машина была в двадцати метрах перед нами; водитель вильнул, от неожиданности прибавил ходу – и почти сразу же остановился. В зеркало заднего вида я могла наблюдать, как он бродит вокруг своей тачки – нахальный пацан, получивший щелчок по носу среди бела дня...

– Разрыв шаблона, – пробормотала Лиза. – В другой раз подумает.

– Ты даешь, – я закашлялась.

Лиза кивнула:

– Ненавижу этих... с купленными правами. Один такой Гришку сбил.

– Когда?!

– Давно. Гришке было двенадцать лет. Почти два месяца в коме. Думали, не выкарабкается.

Она ловко обогнула пробку у светофора – по узкой дорожке за гаражами, и видно было, что она это делает не в первый и даже не в сотый раз.

– А ты думаешь, как Гриша в Темный Мир вляпался? Вот так и попал. Все мы с отменой... У тебя что было?

– Да так...

– Потом расскажешь, – легко согласилась Лиза. – Тебя к какому корпусу подвозить?

* * *

Пара должна была начаться через несколько минут. попрощавшись с Лизой, я остановилась у скамейки и вытащила телефон.

– Мама? Доброе утро... Нет, у меня все хорошо, просто звоню, просто...

Я задержала дыхание.

– Я тебя очень люблю, ты об этом знаешь? Вот так. Обнимаю.

Вокруг шли, бежали, смеялись, ругались, сопели, доедали на ходу бутерброды мои соплеменники – студенты. Я брела, как сомнамбула в лесу, никого не замечая, преодолевая головокружение, не уверенная, что вообще доберусь сегодня до аудитории.

Это случилось со мной. Теперь уже грех сомневаться. Я просто девочка, просто серая мышь, с раннего детства поставленная в строй грубым окликом воспитательницы: «Ты что, Лебедева, лучше других?!»

Нет, я не лучше. Но и не хуже. Я доказывала каждый день маме, учителям, одноклассникам – я это я, я остаюсь собой, даже когда вы меня обижаете, незаслуженно выставляете тройку в журнал или лепите жвачку на лоб. Если я изменюсь – по своей воле, а не по вашей. Я не ждала своего чуда, но оно пришло.

Теперь я работаю в службе Доставки. Доставляю не мебель и не пищу, а жутких Теней к portalу в подземелье. Мне не положена униформа с крыльями, или маской, или трусами поверх брюк. Но я вас всех, наивные мои сограждане, защищаю от страшной опасности, о которой вы...

Что-то мелькнуло впереди на аллее, пересекло мой путь, обдало меня ветром. Велосипедист? Хуже. Наездник на сигвее, в последнее время их все больше.

Он пересек дорожку и развернулся, верхние пуговицы его светлой рубашки были расстегнуты, в глазах выражение типа «блистательный мачо». Замедлил ход, собирая любопытные и завистливые взгляды, откинув голову, подставив лицо ветру – точь-в-точь римский патриций, который выехал прогуляться на колеснице, поприветствовать горожан, снисходительно кивнуть обожающей его черни. Я уже видела этого героя – он был приписан к первому курсу нашего факультета, коммерческое отделение. Звали его Захар или Матвей, как-то так, у него был парк из нескольких иномарок, каждая по цене скромной московской квартиры. Что он делал на филологии – оставалось загадкой для всех, в том числе для декана. То ли сынишку наказал суровый отец, постоянно проживающий в Лондоне. То ли звездный мальчик проиграл спор. То ли ему совершенно все равно было, где числиться. В будущем году его вот так же назначат генеральным директором какой-нибудь папиной фирмы – он не изменится ни на йоту, будет раскатывать на сигвеях, менять машины и смотреть поверх голов.

– Девушка, хотите покататься?

Я повертела головой, соображая, к кому он обращается. Он, оказывается, уже сделал круг по аллеям, догнал меня и теперь смотрел сверху вниз, как подобает патрицию с колесницы.

– Спешу на пару, – отозвалась я сухо. – Спасибо.

Он обогнал меня и опять вернулся:

– А разве так не быстрее?

Вокруг собралась не то чтобы толпа, но группа заинтересованных граждан, точнее, гражданок. Я невольно почувствовала себя в центре внимания, совершенно некстати.

– Покатаетесь? – он прыгнул с сигвея, широким жестом указав мне дорогу. У него были роскошные, издевательские, зеленые глаза – как у плута в старинном романе. Как у принца, который зачем-то переоделся плутом.

– И куда здесь нажимать? – спросила я небрежно.

Эта штука оказалась лучше, чем я думала. Сигвей – забавная машина, на нем установлены гироскопические датчики; если не знаете, что такое гироскоп, посмотрите на детскую юлу. Почему она не падает, стоя на тоненькой ножке?

Наклонившись вперед, я разогналась, на сколько хватило мотора. Люди шарахались на моем пути. Я катила не на занятия, а прямо в противоположном направлении – от своего филологического корпуса к главному. Я собиралась развернуться, вернуться по своим следам и отдать чудо техники запыхавшемуся владельцу.

Я ошиблась. Хозяин сигвея запыхался, но не отстал: едва повернув, я в него чуть не врезалась.

– Хорошо бегаешь, – я прыгнула с сигвея.

– Разряд по легкой атлетике. Понравилось?

– Спасибо.

Группа заинтересованных гражданок никуда не делась – наоборот, стала плотнее. Завтра по общежитию поползут слухи, один удивительнее другого. Причем никто не станет рассказывать, как я была в подземелье под университетом и видела портал в другой мир. Вместо этого чужая фантазия подсунет мне новую биографию в качестве подруги Бонда... то есть Матвея, или Захара, или...

– Кстати, меня зовут Семен. Для друзей Сэм.

– Дарья, – представилась я и еле сдержала приступ нервного смеха. – Ну извини, я правда опаздываю...

И припустила бегом.

Глава пятая

Оперативница

Приключения притягивают друг друга. Конвейерная лента вашей жизни может тянуться месяцами, годами, столетиями, тогда мудрый человек возблагодарит судьбу, а энергичный – умрет от скуки. Зато если на благотворительном студенческом вечере ваш лотерейный билет – вдруг! – выиграет шоколадку, вполне возможно, к утру на кухне лопнет самая главная труба, водопроводчик – внезапно! – окажется добрым волшебником, подарит вам монетку для исполнения желаний, принц шлепнется на вашу крышу прямо верхом на драконе, но приключения на этом не закончатся.

Я остановилась, чтобы перевести дыхание, и поймала в ладонь свой амулет. Сжала, чувствуя, как серебряный глаз прижимается к коже...

Свет! Зелень травы, потоки ультрафиолета, желтые и синие бабочки, столбы света над головами. Я видела человеческие голоса, растекающиеся цветными волнами, я взглядом различала пение птиц и сигналы машин с улицы. Я видела волнение, охватившее однокурсниц Сэма, и шлейф всеобщего любопытства, который тянулся за ним – и гораздо слабее за мной. Я видела чужие страхи и побуждения, их было слишком много, так пестро и сложно, прекрасно, жутко, ярко...

И вдруг на все это великолепие упал пульсирующий аварийный красный отблеск.

Двое целовались в стороне, у скамейки, у всех на виду. Я видела только затылок парня и руки девушки – но девушка меня не интересовала; на виске у парня мерцал уже знакомый мне символ. Этот знак был похож на раскаленное клеймо палача.

Я выпустила амулет. Мир стал обыденным, небо блеклым, студенты вокруг – просто людьми, поцелуй – чужим поцелуем. Я подошла и остановилась рядом; девушка заметила меня первая:

– Вам что-нибудь нужно?

Парень обернулся ко мне, и тогда я его узнала. Вспомнился вчерашний вечер. Урна, пропавший амулет, мое отчаяние, луч фонаря. Молчаливый, явившийся вовремя студент мехмата: «Мы с подругой квартиру снимаем»...

– Я хочу вернуть тебе твой фонарик, – сказала я первое, что пришло в голову.

Он поморщился:

– А можно... как-нибудь потом?

Его подруга, брюнетка, сверлила меня взглядом.

– У тебя неприятности, – быстро сказала я. – Мне так кажется.

– А мне кажется, это у тебя неприятности! – девушка была не из тех, кто лезет за словом в карман. – Погадать хочешь? Позолотить ручку?

– Нет, я объясню...

– Миша, – она обернулась к парню, – это что, твоя знакомая?

Интересно, на каком она факультете, подумала я. Ей бы прокурором быть – с таким металлом в голосе. Неудивительно, что парень, смутившись, покачал головой.

– Девушка, до свидания! – брюнетка взяла его под руку, будто маркируя собственность, и повлекла к проходной. Я кинулась было за ними – но потом остановилась и вытащила телефон.

– Лиза...

– Не могу говорить, я за рулем.

– Тут у парня знак на виске. Точно такой, как...

– Ясно. Рядом Тень, она его сосет. Ищи.

– Может это быть его девушка?

– Проверь в первую очередь.
До начала пары оставалось пять минут.

* * *

В вестибюле я увязла в плотной толпе. Все торопились, все шли к лифтам, и я никак не могла сократить расстояние хоть на пару шагов. Я сжала амулет, высматривая Тень на ходу, – и чуть не грохнулась, так закружилась голова. Нет, надо сперва ее догнать...

В лифтовом холле они разделились. Брюнетка направилась к лифтам на географический, а Миша повернул к высотным лифтам на мехмат. Я погналась было за брюнеткой, но она слилась с толпой и так, под прикрытием, села в лифт. Оставшиеся в холле начали в голос канючить, что теперь точно опоздают: следующего ждать минуты две...

Ругаясь вполголоса, я развернулась и погналась за Мишей. Его уже не было на площадке; я удачно ввинтилась в лифт и оказалась там единственной девушкой. И, вероятно, единственным гуманитарием.

Они были неуловимо похожи – все почему-то очень высокие, я затерялась среди них, как мышка в траве. Сухие, поджарые, многие в массивных очках, они глядели на меня сверху вниз с интересом.

Я прокашлялась:

– На мехмат я правильно еду?

Заулыбались:

– Девушка, вы слишком хороши для мехмата...

Шутники, значит. Лифт набрал скорость – у меня снова закружилась голова. Говорят, первый проект университета отклонили, сказали – слишком много потребуется лифтов, вы нам спроектируйте что-то этажа на четыре...

– У второго курса сейчас какая пара?

– А конкретнее? – они оживились. – Группа? Кого вы ищете?

Я сообразила, что знаю только имя: Миша. Миша с мехмата, второй курс.

– У нас сейчас потоковая лекция, алгебра на шестнадцатом этаже, – раздалось из угла, и я увидела высокого очкарика в темном свитере, которого коллеги буквально втиснули в стенку. – Только мы опаздываем...

Лифт остановился.

* * *

Аудитория была историческая, на два этажа, я когда-то видела про нее документальный фильм. Все уже расселись: выйдя почти к самой кафедре, я сжала в кулаке амулет...

И сразу увидела пульсирующий отблеск. Миша сидел левее от центра, на виске у него светилось клеймо, рот и подбородок блестели свежей кровью. Я разжала руку – в обычном мире крови не было и знака не было: озабоченный студент раскладывал свои конспекты.

Мишин сосед толкнул его локтем и указал на меня. Мы встретились глазами; нет, он мне не обрадовался. Он не мог понять, за что ему такая радость: полузнакомая девушка таскается следом, будто на резинке.

Я замахала руками, умоляя, требуя, чуть ли не угрожая. Он нехотя выбрался из ряда – благо, сидел почти у прохода – и спустился ко мне:

– Оставь себе фонарик, ладно?

Я протянула ему бумажку, на которой косо-криво был написан мой телефон:

– Слушай... Если тебе станет плохо или случится что-то... непонятное, позвони, хорошо? Меня зовут Дарья Лебедева...

– Хорошо, – он почти успокоился, догадавшись, что я сумасшедшая. – Только больше не ходи за мной, ладно?

Я не успела ответить.

– Девушка, мне можно войти или еще нет?!

Я отпрыгнула. Монументальный преподаватель стоял за моей спиной, раздувшись от возмущения, а я преграждала ему путь к рабочему месту. Двести насмешливых взглядов наблюдали с амфитеатра, любовались бесплатным цирком.

– И-извините...

Из-за спины преподавателя в аудиторию проскользнул уже знакомый мне очкарик. Неожиданно подмигнул, расторопный какой.

Я выскочила из аудитории алая, как паруса, которые увидела на горизонте Ассоль. Ну, теперь обо мне точно пойдут легенды...

Зазвонил и задергался в кармане телефон.

– Лебедева, – закричала Настя в трубке, – тут Содом и Гоморра!

– Где?!

– На физре! В бассейне меньше половины группы, ты в списке системных прогульщиков! Или срочно прибегай, или ты без зачета и без стипендии!

И оборвала разговор.

* * *

Звонок Лизы застал меня на полпути между корпусами:

– Ну что, ты выяснила? Это его девушка?

– Не знаю, я не успела...

– Ну так поторопись! Если она хорошо присосалась, так через пару часов от парня будут рожки да ножки...

– А ты не можешь мне помочь? Ты или Гриша...

В трубке уже были короткие гудки. Я подумала: ну, за одну-то пару с Мишей ничего не случится, и рысью вбежала в спорткомплекс.

Вопли физрука были слышны уже в раздевалке. Обожаю этот принцип со школьных времен: за тех, кого нет в классе, влетает хорошим детям, которые явились.

– Я вам устрою! – трубным гласом ревел физрук. – Я в деканат пойду! Где Лебедева? Где Свиридова? Где эта, как ее... где половина группы, я вас спрашиваю?!

Приседая, подкрадываясь и применяя стелс-технологии, я ухитрилась пристроиться к общей шеренге. Надо ли говорить, что резиновая шапочка у меня съехала на одно ухо, очки болтались на шее, а шлепанцы я и вовсе несла в руках?

– Лебедева здесь! – отважно крикнула Настя.

Физрук некоторое время разглядывал меня, покачиваясь, как кобра на хвосте перед атакой.

– Ладно, – сказал наконец, – в последний раз, Лебедеву из позорного списка вычеркиваем... Работать! Всем в воду!

Я прыгнула с бортика, не дожидаясь своей очереди на лесенке.

* * *

Миры существуют рядом – повседневный и тот, что за гранью. Это интуитивно понятно всем, это отлично знают дети и некоторые взрослые, об этом написаны тысячи книг. Кто-то видит другой мир средоточием кошмаров под тонким льдом, который вот-вот проломится. Кто-то – волшебной страной, где кроме чудовищ обитают чудеса. Кто-то боится заглянуть в

едва приоткрывшееся окошко, кто-то всю жизнь ждет у запертой двери. А мне достаточно зажать в кулаке свой амулет с изображением глаза.

Я нырнула поглубже, метра на три, и, потихоньку выпуская воздух из ноздрей, сжала кулон. Задрожала вода; я увидела силуэты странных существ, не то рыб, не то медуз, слишком огромных для простого человеческого бассейна, они проявились – и тут же исчезли, как сахар. Рядом покрикивал физрук, бултыхались в воде мои однокурсницы, шлепали ноги по бортику, поднимались пузыри...

И вдруг меня захватило, как в пригоршню, и резко потянуло вниз!

Мне восемь лет. Я в ледяной воде, меня тащит на черное дно, воздуха не хватает, перед глазами мечутся цветные искры, а дна все нет, в этой речке нет дна, я тону, умираю, проваливаюсь в бездну, в преисподнюю. Все дальше свет, все меньше надежда, ее не было и нет, я тону, я проваливаюсь, я...

Пальцы судорожно сомкнулись на бортике бассейна. Я кашляла, хватала воздух ртом, а надо мной нависал физрук:

– Ты что? Ты что?! А ну быстро выходи из воды!

Я еле выползла, шатаюсь. Перед глазами было темно – единственное светлое пятнышко, размером с почтовую марку, кое-как помогало мне ориентироваться.

Меня усадили на скамейку. Темнота перед глазами понемногу разошлась.

– Ты сегодня завтракала? – с подозрением спросил физрук.

– Не помню, – призналась я.

– Так иди и поешь! Анорексички хреновы! Хочешь, чтобы меня инфаркт хватил?!

Я побрела в раздевалку.

Миры существуют рядом, но повседневный хотя бы соблюдает правила. А тот, что за гранью, правил не знает – твоя жизнь для него столь же важна, как осенний листок в костре, как отражение стрекозы на водной глади, как прошлогодний билет в кино. Если забудешь об этом, если возомнишь себя бессмертным эльфом – что же, твои проблемы...

Я вышла из-под душа и подошла к зеркалу. И сразу увидела, что амулета на шее нет.

Обморочное состояние слетело с меня, как шляпа. Я метнулась назад, в бассейн, где все так же плескались и шлепали по воде мои однокурсницы, и через секунду была снова в воде.

– Лебедева, я куда сказал идти?!

– Я потеряла кулон...

– Я сколько раз говорил: перед занятием снимать кулоны, сережки, побрякушки!

Я не слушала его. Я ныряла и ныряла, ползала по дну, всматриваясь в белую плитку на своей дорожке – и на соседней...

Никаких амулетов. Чистое клетчатое дно.

* * *

– Лиза, я потеряла амулет и теперь ничего не вижу.

Она долго молчала в трубке. Я не знала, куда деваться от стыда.

– Круто, подруга, – пробормотала она наконец. – Даже не знаю, что тебе сказать...

Я отключила телефон и наконец-то разревелась как следует.

Бессонная ночь, рыдающая Настя, кровь и татуировка на виске, амулет в урне, подземелье, портал, Инструктор, мехмат, бездонная черная дыра посреди бассейна – все это наконец сложилось, сплывилось в единый груз, и у верблюда моей души подломились тонкие ноги терпения. Единственным пристанищем человека в таком состоянии мог стать только сортир – и я бросилась к первой же двери с подходящей пиктограммой. К счастью, внутри никого не было, занятия еще продолжались.

Скорчившись над раковиной, я ревела, оплакивая свою судьбу и себя, неудачницу, когда вдруг обнаружила, что в кабинке, только что пустой, теперь кто-то есть.

Внутри деликатно кашлянули. Приоткрылась дверь, и Гриша, в майке с анимешным персонажем – на этот раз ведьмочкой Кики, – посмотрел на меня с искренним сочувствием:

– Ну, все нормально на самом деле...

Я так растерялась, что даже перестала рыдать:

– Это женский туалет!

– Не вылезать же мне из стены в общественном месте, – резонно заметил Гриша. – Не все к этому привыкли, знаешь. А я тебе подмогу привел...

Он посторонился, выпуская из кабинки еще одного внезапного гостя: этому с виду было лет тридцать, высокий, мрачноватый, небритый, совершенно не похожий ни на студента, ни на препода.

– Это Пипл, – представил Гриша. – То есть его так зовут.

– Это! Женский! Туалет!

– Так здесь же никого нет, – возразил Гриша с восхитительной непосредственностью. В этот самый момент снаружи послышались голоса – и цокот каблучков, приближающийся с каждой секундой. Гриша насторожился:

– Ладно, я пошел...

Он исчез за дверцей кабинки, я толкнула этого Пипла в другую – и закрыла дверцу, загородила собой. Еле слышно зашипел баллончик, одна из старшекурсниц, вошедших в туалет, наморщила нос:

– Краской воняет?

– Ремонт, – приветливо объяснила я.

К счастью, она не стала ничего выяснять.

* * *

– Нет, ну додуматься до такого! Детский сад...

Я выглянула в коридор, дождалась момента, когда никто не смотрел, и выпустила этого Пипла. Не сказать, чтобы он мне очень понравился – у него был взгляд верблюда, снисходительный, свысока. А кроме того, вся эта унижительная суeta с кабинками?..

– Ну, Гриша, он извращенец, что ли, или совсем дурак?..

– Ты всегда так много болтаешь?

Сказано было небрежно, будто невзначай. Я закрыла рот и для верности представила, что на губах у меня застежка-змейка и что она крепко заперта. Очень хорошее психологическое упражнение, помогает смолчать в ситуациях, когда каждое слово работает против тебя.

В молчании мы вышли из корпуса, прошли к Главному зданию, и здесь, на ступеньках, я снова увидела Мишу. Он резко изменился за те пару часов, что я его не видела: казался бледным, растерянным, даже стал ниже ростом. Его девушка стояла напротив и обеспокоенно спрашивала, а Миша нехотя отвечал – и мне безо всякого амулета было ясно, что он что-то от нее скрывает.

Она была невысокая, смуглая, черноглазая; она была Тень и сейчас, расспрашивая, тянула из парня жизненные соки. А у меня, как на грех, не было амулета.

– Эти? – спросил Пипл, проследив за моим взглядом.

Я кивнула. Застежка-змейка все еще надежно скрепляла мои губы.

Не говоря ни слова, он направился к ним. Подошел и начал о чем-то расспрашивать; бровнетка непроизвольно подняла брови – кажется, этот Пипл сумел ее огородить. Она замолчала головой, даже попятилась; мой новый знакомый обошел их по кругу, будто приносиваясь, и вернулся ко мне.

– Она не Тень, – сказал озабоченно.
– Как?!

– Да вот так. Просто девчонка. А парня пиратят, и сильно.
– «Пиратят»... в смысле?
– Ну, я это так называю. Вроде как фильмы скачивать незаконно. Пиратским образом. Так и его сейчас скачивают...

– Скачивают... с торрентов, что ли? Человека?!

Он посмотрел на меня уже знакомым взглядом – умудренного верблюда, сверху вниз:
– Гриша сказал, ты с позавчерашнего дня в службе Доставки?
– Со вчерашнего.
Он вздохнул, типа, просвещать новичков не нанимался.
– Тень установила с жертвой контакт и выкачивает из нее жизненные силы. Так понятнее?
– Откуда ты знаешь? Ты что, тоже видишь эти знаки, кровь на лице...
Он помотал головой:
– Нет. Я чую. Нюхом.
Его ноздри чуть дернулись:
– У тебя вторая группа крови, духи Kenzo Flower By Winter Flowers, сегодня ты была в бассейне, ела пиццу «Маргарита» и пирожки, типа, с мясом.
Я долго молчала. Он доброжелательно ждал, пока я справлюсь с очередным шоком.
– Я тебя боюсь, – выдавила я наконец.
– И тратишь кучу времени на ненужные эмоции, – сообщил Пипл. – А парню-то осталось жить сутки от силы.
– Жить?!

– Из него качают время жизни – конкретно так... За час отбирается несколько лет. Завтра утром из парня будет труп.
– А что же нам делать?!

Он посмотрел снисходительно.

* * *

Миша и его подруга сели в маршрутку. Я подняла руку, останавливая машину. Притор-мозила зеленая «копейка»:
– Дорогу покажешь?

Пипл грубовато дернул меня за локоть, оттащил от машины и кивнул водителю, проезжай, мол.
– Ты чего? – я вырвала руку.
– В этой машине вчера такое возили, что я рассказывать не хочу, – сказал он отрывисто. – Вон синий едет, тормозни его.

Мы влезли в старую синюю «Мазду». Пипл повел ноздрями, но промолчал. Водитель ехал за маршруткой, ни о чем не спрашивая – благо, движение было небыстрое.
– Тебе, наверное, трудно, – сказала я, забыв о застёжке на губах.
Он вопросительно поднял брови.
– Ну, с таким нюхом, – уточнила я.
– Я привык.
– Ну, «Парфюмер» Зюскинда ты читал? – я была уверена, что он заинтересуется, но он равнодушно покачал головой:
– Нет.
– Хоть кино смотрел?
Он ухмыльнулся:

– Ты все-таки очень много болтаешь.

Я оскорбленно прикусила язык. В этот момент маршрутка, за которой мы тянулись, остановилась впереди у обочины, и из нее выбрались Миша со своей брюнеткой.

* * *

Пипл шел по следу, как собака, не особенно при этом напрягаясь и, уж конечно, не водя по земле носом. Поэтому мы могли отстать и не бояться, что наши подопечные заметят слежку.

У подъезда девятиэтажки им повстречалась, видимо, соседка. Ее мы сперва услышали и только потом увидели.

– Я позвонила хозяину вашей квартиры! – кричала немолодая женщина. – А в следующий раз позвоню в милицию!

Миша что-то примирительно сказал, я расслышала только «Тетя Света, ну что вы...».

Женщина повысила голос:

– Бессовестные! У мужа мигрень, а они музыку врубают в семь утра!

Брюнетка вошла в подъезд, даже не глянув на расстроенную соседку. Я догадалась: это девушка врубает музыку. Она делает зарядку и будет делать, хоть соседи о стенку разбейся. Бедный Миша...

– Эта тетка не Тень случайно? – спросила я Пипла. Он мотнул головой.

Мы дождались, пока возмущенная женщина отойдет подальше, и двинулись к подъезду. На двери был кодовый замок, Пипл наклонился, будто невзначай, обнюхал кнопки и сразу набрал правильный номер. Внутри, в подъезде, было темно и сыровато, мне на секунду вспомнилось подземелье с порталом.

Пипл шел, неторопливо поднимаясь по лестнице, иногда останавливаясь, иногда склоняясь к дверям квартир.

– Младенец, мальчик, искусственное вскармливание. Пуделиха, у которой течка. Духи «Шанель», поддельные, фу... А здесь что?

Он остановился, подобравшись, как охотничий пес. Я замерла, боясь ему помешать.

Пипл выдохнул и расслабился:

– Ничего... Ничего здесь нет, никакой Тени, мы зря сюда приехали.

И зашагал по ступенькам вниз.

* * *

– Ты знаешь, в какой они квартире?

Он посмотрел на окна:

– В сорок первой.

– Тогда почему... ты... не можешь пойти к ним и сказать всю правду? Ты же видел, этот парень... Миша... он уже что-то чувствует, с ним что-то не так...

Пипл промолчал. Я сама вспомнила: не далее как сегодня утром я сама хотела предостеречь Мишу, и теперь он считает меня в лучшем случае дурочкой.

– Ты сказал, что ему осталось жить сутки от силы...

Пипл кивнул.

– А мы будем смотреть и ждать?!

Он зашагал прочь от подъезда, на ходу поманил меня за собой. Мы прошли мимо тети Светы – Пипл приветливо с ней поздоровался.

– Дело такое, – заговорил он, когда мы снова вышли на улицу. – Перед финалом Тень обычно вылезает из укрытия и подходит к жертве поближе. Если мы ее выследим раньше, чем он померет, – мы молодцы.

– Он здоровый молодой мужчина. От чего ему умирать?
– Внешне это будет выглядеть как авария, криминал, внезапный инсульт – у молодых тоже бывает, хоть и редко. Даже самоубийство. По сути, внезапный конец жизни, которую сожрала Тень.

Мне стало холодно. Я остановилась:

– Послушай, значит, все аварии... взрывы, пожары, инсульты...

– Не все, – мягко возразил Пипл. – Тени подстраиваются под существующий тренд. Подкладывают, так сказать, своих жертв под несчастные случаи.

– Зачем это надо? Зачем они убивают?

– Питаются. Греются. Получают свой ресурс... Тебе куда сейчас? В общагу?

Я помотала головой:

– Подожди... Тень всегда подходит к жертве в последний момент?

– В девяноста процентах случаев.

– А если эта Тень, которая убивает Мишу... окажется в тех десяти процентах, что не выходят?

Пипл вздохнул. Я привычно потянулась рукой к амулету – и ухватила пустоту.

– Не переживай, – сказал Пипл. – Не видишь Теней – о'кей. Научись определять их по косвенным признакам.

– Это по каким же?

– Они вечно мерзнут, во-первых. Если в жаркий день видишь человека в теплом свитере и шарфе – обрати внимание. Во-вторых, они боятся молока: оно для них как кислота. Сомневаешься в ком-то – предложи хлебнуть молочка или выпить кофе со сливками. Откажется – значит, Тень.

– Или просто не любит молока.

– Или не любит, – легко согласился Пипл. – Ты как себя чувствуешь?

– Паршиво.

– У тебя сегодня был нехилый гормональный выброс, – сказал он задумчиво.

– И что это значит?

– Значит, что ты встретила кого-то, кто потом появится в эротических снах... У тебя как с сексуальной ориентацией?

– Традиционная! И это не твое дело! И перестань меня обнюхивать!

На меня с подозрением покосились прохожие. Я, спохватившись, замолчала.

– Прости, – сказал Пипл очень искренне. – У меня это профессиональная деформация. Я бываю бестактным.

И улыбнулся без капли высокомерия – искренне и с симпатией.

Глава шестая

Голуби и соколы

В коридоре на подоконнике Павлик проделывал манипуляции с огромным цветочным букетом. Когда я подошла, он подпрыгнул от неожиданности, потом расслабился и выдохнул:

– А, это ты...

В букет был вправлен плюшевый медвежонок, в лапах у медвежонка помещалась шоколадка, к шоколадке скотчем крепилась открытка с извинениями и признаниями в любви. Медвежонок и видом, и взглядом походил на Павлика. Мне сделалось жалко их обоих.

– Павлик, может, тебе пока подождать... Пускай она как-то остынет...

Я врала. Я знала, что Настя не остынет и не согреется. Я не сумела объяснить это Павлику, который изнывал от чувства вины, хотя не был ни в чем виноват.

– Даша, передай ей, пожалуйста, а то я сам боюсь...

Я кивнула. Взяла букет с медведем и открыткой. Вошла в комнату: здесь было необычно чисто и прибрано, Настя валялась на кровати с ноутбуком на животе.

– Это тебе, – я протянула ей букет. Она даже не повернула головы:

– Спасибо. Пойдешь на кухню – оставь в помойном ведре.

– Настя, – я села напротив. – Послушай меня, Павлик...

– Я читаю, ты что, не видишь?!

– Павлик тебя на самом деле...

– Новые новости! Устройство чужой судьбы на доступных условиях... Не хочу слышать этого имени, не знаю этого человека, и не продолжай, или я обижусь!

И она демонстративно уткнулась в экран. Я знала, что Павлик там, снаружи, ловит любой шорох и ждет затаив дыхание, как будет принят его подарок. Сейчас мне придется вернуть цветы и сделаться вестником несчастья.

Я вдруг разозлилась: какого лешего я должна работать посыльным голубем? Один раз пожалеешь человека – и готово, ты уже его доверенное лицо, чуть ли не духовник-исповедник...

Злость сменилась осознанием вины. Если бы я остановила Тень раньше, чем она успела прикончить Настину любовь, – все было бы по-другому, и сейчас я шаталась бы где-то по улицам, дожидаясь, когда влюбленные завершат очередной романтический вечер.

Я встала, чтобы отнести букет обратно Павлику, и в этот момент дверь открылась. Точно такой же медведь, как был прикреплен к букету, но только в человеческий рост, шагнул к нам в комнату, зацепившись о притолоку мохнатой плюшевой головой.

Даже Настя при всем своем стоицизме удивилась.

– Павлик, – процедила она, – размер, конечно, имеет значение... но не в этом случае!

Медведь посреди комнаты поглядел на нее без интереса – и перевел взгляд на меня. Поднял мохнатую лапу; в лапе чудом удерживалась связка ключей, как если бы медведь был сторожем тюрьмы... Или спер с режимного объекта полный набор дубликатов.

А еще через минуту выяснилось, что внутри медведя спрятан вовсе не Павлик.

* * *

– Зачем ты нацепил эту дурацкую шкуру?

– Чтобы пройти в общагу, не привлекая лишнего внимания, – он даже не улыбнулся.

Я с трудом сдержала нервный смех:

– А зачем ключи?

- Пойдем, все узнаешь.
- Послушай, Семен...
- Сэм.
- Сэм... Почему ты уверен, что я с тобой пойду?
- Потому что сегодня вечером я покажу тебе кое-что, чего ты никогда не видела.
- Я вздохнула. Эх...

Парень был настолько уверен в себе, что не боялся выглядеть идиотом. Он жил, играя ради игры, развлекаясь ради чистого фана. Может, он поспорил с кем-то, что уведет меня сегодня в кабак или в клуб. А скорее всего, ни с кем не спорил, ему просто взбрело в голову. Увидел девочку – на секунду заинтересовался – поужинали, потанцевали, развлеклись... Почему нет?

- Спасибо, Сэм. Но я не могу. У меня много работы на сегодняшний вечер.
- Ты не понимаешь, от чего отказываешься.
- И не объясняй, а то я умру от горя.

Похоже, ему нечасто говорили «нет». По крайней мере, сейчас он казался удивленным. Мы стояли в коридоре у входа в кухню, и всем жителям нашего этажа вдруг понадобилось зайти за йогуртом, или заварить чай, или неторопливо пройти туда-сюда. Я ловила на себе заинтересованные взгляды: Сэм был известной личностью на факультете, а я традиционно считалась участником массовки – таких, как я, в каждом вагоне метро едет пятнадцать человек.

Завтра скажут: «Она ему отказала, чтобы покрасоваться». Зачем ждать завтра – уже сегодня скажут, да впрочем, мне-то что за дело...

...Когда он отстегнул смешную мохнатую голову, когда я увидела его в медвежьей шкуре, веселого, нелепого, мне вдруг померещилось на секунду, что я его давно знаю, что это мой друг, зачем-то надевший маску... нет, не медведя. Маску высокомерного заносчивого мажора.

Короткое наваждение явилось – и пропало: он был не друг мне. Я бы с удовольствием погуляла с ним под дождем, посидела на автобусной остановке, обсудила нюансы современного прочтения Свифта, но все это было невозможно. Сэм – парень с другой планеты, и, отправившись в космос на его корабле, я рискую задохнуться без скафандра...

– Жаль, – сказал он, будто эхом отвечая на мои мысли. – А мне казалось, что ты хочешь в музей Землеведения.

Пришла моя очередь удивляться:

- Откуда... А-а, ты прочитал мой статус на «Фейсбуке»!
- Неправда. Мне явился призрак Ломоносова и велел показать тебе великие тайны.

Чистая работа: за вечер он сумел уже второй раз меня удивить. Я действительно любила наш музей Землеведения, не была там с прошлого года и буквально пару дней назад сокрушалась в Сети, что никак не доберусь до двадцать четвертого этажа Главного здания.

- Тогда пошли, – сказал он, довольный моей реакцией.
- Прямо сейчас?
- Зачем откладывать?
- Музей закрыт!

Он торжественно показал мне связку с ключами:

– Нет закрытых путей. Есть пути, которые хорошо охраняются – там Сцилла, здесь Харибда... Но ты же не трусиха, правда?

* * *

Мы прокрались по музею, освещенному в этот час только дежурными лампочками. Мимо витрин с минералами и драгоценными камнями, каждый из которых можно разглядывать целый день. Мимо портретов выдающихся ученых и чучел тех, кого они исследовали.

Сэм попробовал ключ к балконной двери – не подходит. Тогда он стал пробовать ключи один за другим, напоминая ретрохакера из викторианских времен.

Наконец дверь поддалась. Снаружи повеяло прохладным воздухом и запахом травы – внезапно, на двадцать четвертом этаже посреди колоссального города. Сэм подал мне руку:

– Здесь осторожно: высокая ступенька. Смотри под ноги.

Я вышла под небо – и так и остановилась.

Вокруг лежала Москва в огнях мостов и набережных, в изгибах реки, в потоках красных и белых фар на запруженных улицах, в темных пятнах парков, в геометрическом узоре дорожек у смотровой площадки. За моей спиной высился шпиль университета, я стала частью этого здания, я сделалась одной из статуй, химерой на фасаде и рисунком на гербе. Минуты шли, я не двигалась, только город подо мной перетекал огнями, мерцал, светился...

– Разрешите, миледи, скромно презентовать вам этот вид.

Он откупорил бутылку шампанского. Сунул мне в руку бокал. Я поморщилась: ну кто же пьет шампанское на балконе музея?

Но я не решилась его обижать. В конце концов, он исполнил обещание: показал мне то, чего я никогда не видела и вряд ли еще увижу.

– Ты на Эйфелевой башне была? – он глядел на Москву через свой бокал, на просвет.

– Нет.

– И не ходи. Там такие очереди, давка, духота... Здесь – совсем другое дело.

– Буду знать.

Он уловил иронию в моем голосе, но ничего не сказал. Надо было как-то объяснить, что я благодарна ему за эту фантастическую прогулку, но по-прежнему ничем не обязана. Мы отдельные люди, мы из разных миров, но я не хочу показаться грубой...

– Там сверху, за гербом, живут соколы, – сказал он.

– Правда?!

– Точно. Охотятся на голубей. Здесь кое-где можно косточки найти.

– Ужас какой.

– Хищники, что с них взять. Живут себе на верхушке исторического здания, как в горах или в лесу. Свободные...

В его голосе мне послышалась зависть.

– На фиг такую свободу, – я снова посмотрела на огни. – Если тебе интересно мое мнение – я на стороне голубей. И...

Я на секунду запнулась, думая, можно ли говорить об этом вслух.

– ...И я бы защищала голубей от этих соколов... если бы могла, конечно.

– Голуби повсюду гадят. Ты бы видела, что творится на площади Сан-Марко.

– Зато голуби никого не жрут. Не падают сверху на спину, не втыкают когти, не забирают чужую любовь...

– Что?

Я прикусила язык:

– Это метафора.

– А-а, – сказал он задумчиво.

И замолчал, будто забыл обо мне. Так мы стояли молча, глядя на город, минуту, другую, десять; холодный ветер стал прохватывать меня под куртку, и откуда-то явились мысли о том, что будет, если сторож обнаружит незаконное проникновение на объект...

И тут же зазвонил телефон в кармане. Я дернулась и чуть не вывалилась за балюстраду, Сэм испуганно схватил меня за локоть – и тут же выпустил.

– Привет, мама, – сказала я в трубку.

– Привет, ты чего не звонишь?

– Э-э... Мам, я тут немного занята...

– Уже поздно, чем это ты занята? Давай, собирайся спать, перед сном надо сорок минут избегать мозговой активности...

– Сделаю, мама. Как у тебя?

– Все хорошо... Спокойной ночи!

– Спокойной ночи.

Я спрятала трубку. Мы снова молчали. Город пульсировал, мерцал огнями.

– Ты не злилась на нее, – сказал Сэм.

– С чего ты взял, что я злюсь?

– Многие злятся. Гиперопека, мол, и все такое.

– Я не злюсь.

– И правильно.

Что-то в его голосе заставило меня насторожиться:

– А твоя мама...

– Умерла, когда я родился. Я ее не помню.

Мне стало очень холодно, хотя ветер затих.

– А отец?

– Отец... в Лондоне. Кажется, что он всегда там был...

– Что значит «кажется»?!

– Видишь ли, у меня странная избирательная память. Я детства не помню вообще. Наверное, у меня расстройство привязанности. Ничего, что я тебе это говорю?

Я не знала, что ответить. С одной стороны, мне сделалось ужасно его жалко. С другой стороны... он так легко об этом рассказывал. Что, если это его обычная практика – по секрету плакаться девушкам о своих бедах, давить на жалость?

– Забудь, – он отвернулся. – Я сказал лишнее.

По одному его движению мне сделалось совершенно ясно, что он говорил искренне и в первый раз. Что ему непросто было решиться. И что он получил в ответ настороженность и подозрение; уши мои вспыхнули так, что на них опасно натянулась кожа.

– Сэм, послушай, я ведь тоже... Мой отец вроде как бросил мать до моего рождения, но я верю, что не бросил, а с ним что-то случилось. И все, что от него осталось, – кулон...

Я потянулась к амулету – и вспомнила, что потеряла его. Пережила короткий приступ отчаяния, сжала зубы:

– Сэм, я тебя отлично понимаю, но мне проще, потому что от девочек ждут, что они будут говорить о своих чувствах. А мужчины должны молчать, как истуканы, даже если у них сердечная мышца рвется напополам...

Он смотрел на меня. Сквозь маску мажора-зубоскала я вдруг увидела мальчишку, которым он был когда-то, – страшно одинокого, заваленного игрушками из Hamleys, невротика, нарочно забывающего каждый свой пустой и скучный день. Не осознавая, что делаю, я потянулась к нему и положила руки на плечи. Я почувствовала запах его кожи, тепло, доверие, мне захотелось коснуться губами его лица...

В этот момент телефон зазвонил снова. Я не выкинула его с балюстрады только потому, что боялась ненароком кого-то убить.

На дисплее светился незнакомый номер. Я готова была нажать на «сброс», но было поздно. Мой порыв нежности все равно уже захлебнулся, оборвался, оставив после себя стеснение и неловкость. Сжав зубы, не глядя на Сэма, я ответила на звонок.

– Алло.

– Это Дарья Лебедева? – спросил на том конце хриплый незнакомый голос.

– Да...

– Я Миша. Вы мне оставили свой номер...

Я поняла, что не узнала его. Я поняла, что совершенно о нем забыла – о парне, которому осталось жить несколько часов, если мы не поймем его Тень.

Эгоизму человеческому нет предела. Я страшно упала в собственных глазах, но больше меня напугал его голос. В нем слышался смертельный, запредельный ужас.

– Со мной, – хрипло говорил Миша, – я не понимаю, что происходит. Я не знаю, что мне делать. Я...

– Поняла, – сказала я быстро. – Продиктуй адрес, я приеду немедленно.

Глава седьмая

Миша

На последние деньги я поймала «шахид-такси». Из машины перезвонила Пиплу. Тот воспринял новость совершенно спокойно:

- Скорее всего, ты ему никак не поможешь – Тень заныкалась и выйдет только завтра.
- А если не выйдет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.